

ВЕРЕЩЕНСКИЙ

И
М
П
Е
Р
И
Я
И
Н
Д
Е
Н
Т

16+

Игорь Анатольевич Верещенский

Империя Independent

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42550106

SelfPub; 2019

Аннотация

Думаете, школы летом отдыхают, как и их ученики? Что пустынно коридоры и классы, а портреты великих умов – единственные соглядатаи летней тишины? Троице подросткам удаётся достать входной ключ от школы, и теперь в их распоряжении четыре этажа коридоров, кабинетов и лестниц. Одно препятствие, чтобы стать полноправными владельцами этого – старый сторож, который почти не выходит из своего закутка, но у которого хранятся ключи от остальных помещений. Невинная шутка – выманить его и выкрасть ключи. Но шутка оборачивается трагедией, и случайно встретившиеся ребята оказываются связанными страшной тайной, нести которую труднее день ото дня.

Содержание

1	5
2	15
3	24
4	30
5	46
6	54
7	61
8	74
9	83
10	91
11	100
12	110
13	125
14	141
15	150
16	160

В оформлении обложки использованы материалы сайта pixabay.com автора Соуот по лицензии ССО

1

С наслаждением повернув ключ в замочной скважине, он прислушался, как с той стороны гулкий звук побежал по пустому коридору. Наконец-то! Многие из нас имеют довольно лестные воспоминания о школьных годах; многие, но только не Николай Петрович, поскольку его школьные годы до сих пор не кончились и в обозримом будущем заканчиваться не собирались.

Он дёрнул ключ, тот застрял в скважине. Затем упал на землю. «Чтоб тебя!» – буркнул Николай Петрович, наклонился и вмазался лбом о железную ручку. Выругавшись, он пнул дверь ногой, подобрал ключи и быстрым шагом пошёл прочь через школьный двор. Выходя из территории школы через калитку в решётке – ещё одну его головную боль – он окинул взглядом задний двор и здание школы, где много лет трудился завхозом. Угрюмо припомнил, что каждый год с чувством отвращения он покидал школу в июле на летние каникулы, обещая себе, что в отпуске обязательно займётся поиском другой работы, но в результате каждый раз возвращался сюда в конце августа, надеясь, что новый учебный год принесёт что-нибудь новое в его однообразную жизнь, которую он не в силах изменить сам. Новый учебный год и правда приносил новшества, но иначе как геморройными их назвать было нельзя, ибо заключались они в установке но-

вой системы сигнализации, турникетов на входе или той самой решётки, вдоль которой он теперь шёл домой и которую без конца приходилось ремонтировать то тут, то там, поскольку сделана она была паршиво и обеспечивала не безопасность, а неумолимо растущую статью расходов. Даже теперь, покончив с делами на какие-то несчастные полтора месяца, он опытным глазом прикидывал, где потребуется делать ремонт в ближайшее время. Поймав себя на этой мысли, он плюнул, свернул на детскую площадку и мимо здания поликлиники зашагал к своей пятиэтажке, что уже отсюда просматривалась торцом. Не будет он, ни за что не будет думать о работе в отпуске! Пусть у Афанасича башка болит... хотя у того, похоже, в принципе уже болеть нечему. Этот рабочий год и так затянулся. Уже середина июля, самый разгар лета! А он только покончил с работой. Чёрт бы побрал эту директоршу, которой понадобилось списать старую мебель...

– Здравствуйте, Николай Петрович! – немного картавый знакомый голос отвлёк его от дум. На качели детской площадки сидел подросток, уплетая чипсы из упаковки, что держал на коленях.

Завхоз сердито посмотрел на него.

– Ты что здесь делаешь?

– Сижу, – последовал резонный ответ.

Завхоз проглотил ругательство.

– Тебе что, заняться нечем? Каникулы ведь! Которых ты так ждал.

– Не-а. Родоки улетели на море, им вообще побоку. Меня оставили с бабкой сидеть. Типа, должен же кто-то с ней остаться. Да и не заслужил я, как они сказали, отдых.

– И надолго они тебя оставили? – спросил завхоз уже более мирно.

– Не знаю. Небось до конца лета. У них там родичи, так что дамой спешить не будут. Что тут делать?

Николай Петрович потоптался, чувствуя себя неловко. Пашка был из неблагополучной семьи, и к тому же двоечник; за это его (отчислили бы уже, хватит с него и восьми классов!) и ещё двоих ребят оставили в помощь завхозу в качестве «летней отработки», и две недели они только и занимались тем, что перетаскивали с места на место мебель да иногда грузили её в машину. Проблем от них, честно сказать, иногда бывало больше, чем помощи, и Николай Петрович с облегчением вздохнул, когда избавился главным образом от Пашки, с которым ругался не раз. Независимый, самоуверенный и наглый, в школе он считался одним из главных авторитетов среди себе подобных. Теперь, похоже, все его дружки разъехались, и он в компании пачки чипсов сидел один на детской площадке; впрочем, данная ситуация его судя по всему ничуть не тяготила. Поглядев на его тощую фигуру, прикрытую не очень чистой футболкой и джинсовыми шортами, Николай Петрович засомневался, не будет ли эта пачка чипсов единственной его едой за день. Впрочем, у него не было никакого желания продолжать общение с ним, а

смутил его, как обычно, слишком смелый, открытый взгляд паренька. Да и солнце нещадно жгло макушку.

– Ну как знаешь, – буркнул завхоз и пошёл дальше. Пашка проследил за ним взглядом.

– Удачного отпуска, Николай Петрович! – крикнул он, когда тот почти скрылся из виду.

Завхоз махнул не оборачиваясь рукой, а Пашка достал из заднего кармана связку ключей (было их всего два в связке – большие, широкие стальные ключи) и стал её разглядывать. Огромная липа кидала густую тень на ту часть площадки, где он сидел, и под её широкой листвой было не жарко, хотя температура подваливала к тридцати. Редкая жара для этого города. Был понедельник; солнце приближалось к зениту, и даже извечные бабули, что в любую погоду ползали в поликлинику, на этот раз предпочли остаться дома или же свалить на дачу, и на улице было пустынно. Не было и мамаш с колясками, и любителей собак или неторопливых прогулок. Жара отдалённым гулом городского шума застыла в воздухе, раскаляя асфальт и искажая очертания зданий. Но городу было всё не по чём; он видал и не такое. Он застыл гигантской громадиной в жаре и покорно ждал её окончания.

Павел сидел, слегка покачиваясь и доедая чипсы. Поглядывал по сторонам, стараясь уловить хоть какое-то движение... и вот из-за здания школы вырулила невысокая фигура с непомерно большой для неё, хотя и очевидно пустой, сумкой. Фигура сначала шла вдоль ограды, потом свернула

на детскую площадку. Пашка выбросил пустую пачку в урну рядом, невозмутимо вышел на середину площадки и преградил фигуре путь. Та, к своему великому огорчению, слишком поздно обнаружила недруга, и броситься бежать назад означало бы скорейшее поражение, а попытаться пройти, не заметив преграды, навлекло бы проблем ещё больше. А фигура эта была очкастым мальчиком лет двенадцати, чуть полноватым и чересчур ответственным. Он деловито шёл в магазин, и повстречать на своём пути препятствие отнюдь не входило в его планы.

С минуту они просто пялились друг на друга, Павел – выжидающе-насмешливо, очкастый мальчик – тоже выжидающе, но вовсе не так радостно; наконец второй не выдержал:

– Паш, дай пройти.

– Я разве тебе мешаю?

Мальчик сделал шаг вправо, но тут же наткнулся на высокую и жилистую фигуру Павла, переместившуюся вслед за ним.

– Ме... мешаешь, – заметил тот, оглядывая окрестности в поисках помощи, но не обнаруживая её.

– Что в сумке, Хомячина? – Павел, не дожидаясь разрешения собственника, заглянул в холщёвую сумку.

– Ничего, я только в магазин иду.

– Ну пойдём вместе.

И Павел, положив на плечо своему спутнику руку, точно был его столетним другом, сам потащил его дальше.

– Паш... мне неудобно так идти, – не выдержал Хомяк, едва они миновали поликлинику. На крыльце её был лишь один старичок, от пота обтиравший лоб платком, и помощи от него ждать не пришлось.

– Лады, договорились, – согласился Пашка, убрав руку. – С тебя... ну ладно, мороженое. Чтобы тебя не компрометировать.

– Какое ещё мороженое?

– Ты разве не угостишь своего дружбана мороженым?

Хомяк насупился, понимая, что ответ «ты мне не дружбан» навлечёт на него в лучшем случае оплеуху, в худшем – дополнительные траты.

– Я... ограничен в средствах, – заявил он, поправляя очки. Пашка расхохотался.

– Да ладно? Неужели мамочка не дала своему хомячку на мороженое?

– Дала... но только на одно.

– Вот! Не сомневаюсь, что ты как истинный друг отдашь его своему товарищу.

Они перешли неширокую улицу и железнодорожный путь, где иногда ходил грузовой поезд и Пашка катался на крыше вагонов или между ними, и зашагали по пустырю мимо церкви. К остановке с левой стороны подъезжал автобус, и Хомяк внезапно ринулся бежать. Но не успел он сделать и пяти шагов, как попытка бегства была пресечена – ловкая рука схватила его сзади за шиворот, и его аккуратная беже-

вая футболка-поло задралась кверху, растеряв все пуговицы воротника. Хомяк бы шлёпнулся назад, но та же рука удержала его на ногах.

– Стоять! Ты куда это, Хомячина?

– Прекрати... ты... ты порвал мне футболку!

– Ничего подобного. Я удержал тебя от внезапного падения.

Однако Хомяк не оценил данной помощи; он сжал кулаки и, казалось, готов был разреветься.

– Вот что я теперь маме скажу! Смотри, что ты наделал!

– Скажешь, что твой лучший друг помог тебе удержаться на ногах, когда ты поскользнулся.

– Поскользнулся? Здесь что, лёд?

– Нет, просто у тебя корявые ноги. Ты соскользнул с поребрика и чуть было не попал под машину!

Хомяк затрясся:

– Прекрати! Ненавижу тебя! Ты достал уже меня! Ещё во время нашей работы!

– А никто не заставлял тебя оставаться на эту школьную отработку. Ты же отличник! Какого лешего ты полез туда?

– Я хотел помочь школе!

– Да ладно! Говорил бы уж прямо, что хотел похудеть, таская мебель.

– Нет! Я не толстый! И не называй меня Хомяк! Я не Хомяк!

– Ладно-ладно, не вопи ты так! – смирился Пашка, огля-

дываясь, хотя рядом никого и не было. – Сказал в магазин, значит в магазин. На кой тебе автобус понадобился? Вот твои пуговицы... мамочка пришьёт вечером, пока ты будешь пить какао!

Подобрав с земли пуговицы, он сунул их в карман Хомяку и они пошли дальше.

– Дима Варламов их шестого «Б» в два раза толще, чем я, а его ты не называешь Хомяком! – заговорил Хомяк после двух минут молчания.

– Верно, его я называю Гоблином. Хочешь, тебя буду так называть?

– Нет! Я хочу, чтобы меня звали по имени. У меня имя есть, Семён!

– Семёна заслужить ещё надо.

– В смысле? Ничего заслуживать не надо! Мне его от рождения дали, это имя! А на автобус я хотел, потому что идти очень жарко...

– Слушай, а тут ты прав! – с этими словами кепка с Микки-Маусом перекочевала с головы Семёна на Пашкину.

– Э-эй!

– Ни «эй», а пошли. Ты в курсе, что Нудило свалил?

– Кто такой Нудило?

– Кончай притворяться! Иначе ты станешь Нудило. А пока это наш завхоз, Николай Петрович, с которым мы имели удовольствие две недели плотно общаться.

– Ну свалил, и что? Работа же закончилась, у него тоже

наверно отпуск...

– А то, что в школе кроме старого пердуна Афанасича никого ближайший месяц не будет.

– Ну, а мне-то что?

Пашка вдруг внимательно посмотрел на него, словно оценивая, достоин ли его спутник продолжения разговора.

– А почему ты не уехал? Ты же болтал, что сразу свалишь куда-то там к бабушке-дедушке?

Семён не торопился отвечать. Он пыхтел, стараясь быстрее пересечь этот несчастный пустырь, который возненавидел с тех пор, как здесь у них начали иногда проводить физкультуру – бег или лыжи, в зависимости от времени года. Впрочем, физкультуру в целом он ненавидел не меньше. Пашка угадал его многозначительное молчание.

– А-а, тебя тоже отшили?

– Никто меня не отшивал. Просто мы с мамой решили пока побыть в городе.

Павел ещё подумал о чём-то минуту, потом остановился – они уже достигли заветной «Пятёрочки».

– Вот что, Хомячина: мороженое сегодня твоё, можешь плясать. А вот кепка пока у меня побудет. Придёшь за ней в девять вечера на детскую площадку. Придёшь – будешь зваться Семёном... возможно. Это будет первая часть твоего перевоспитания. А нет – так и останешься Хомяком. И что ты скажешь своей мамочке? Ну?

– Что я поскользнулся на поребрике и... и потерял кепку.

– Верно! Быстро схватываешь. Ну, до вечера!

Он повернул назад и быстрым шагом устремился через пустырь. Семёну лишь оставалось закатить глаза да с наслаждением окунуться в царство кондиционеров и холодильников магазина «Пятёрочка».

2

Когда солнце начало клониться к закату, городские улицы мало-помалу заполнились горожанами, отважившимися высунуть нос после дневного зноя. Всё равно людей было мало: в такую погоду каждый стремился покинуть каменные джунгли, и оставались в них лишь те, кто либо совсем не имел возможности это сделать, либо же дожидался своей очереди, то есть отпуска. Выползли немногочисленные бабули с палочками и в цветастых сарафанах, мамыши с колясками, влюблённые парочки, а чаще – люди, которые просто шли с работы и могли себе позволить никуда не спешить, неторопливо пересекая скверы и тротуары.

На детской площадке было народа немного. Однако Пашка пересел с качели на скамейку, чтобы не нервировать мамаш своим оборванским видом. Он сидел и безразлично наблюдал, как девочка лет пяти раз за разом преодолевает своеобразную полосу препятствий, установленную на площадке, и ожидал, не навернётся ли часом она, поскольку её мамочка сидела, углубившись в телефон и никакого внимания на дочь не обращала. Неминуемое случилось: девочка упала, расхныкалась, мамаша сгребла её под мышку и уволокла домой, не отрываясь от телефона. Площадка опустела. Пашка взглянул на свои потёртые наручные часы: без десяти девять. Придёт Хомяк или нет? По идее, за кепкой должен

прийти. А нет – так он один... но к пьянчуге бабке не вернётся. Она там квасит со своими дружками, а его гонит вон... Павел уже свыкся с мыслью, что, не приди он вовсе, она вряд ли бы заметила это раньше, чем через пару дней. А и заметив – не расстроилась бы... он только одного не мог понять точно: бабушку оставили присматривать за ним, или его за ней? Ему давно казалось, что второй вариант ближе к истине.

Между прутьями решётки замельтешила знакомая фигура. Идёт, никуда не делся! Но... не один. Неужели ведёт помощь? Кто-то, примерно того же роста, что и Семён, шел рядом с ним, слегка подпрыгивая при ходьбе от переизбытка энергии. Павел сразу узнал его – Белка, так прозвали они мальчишку из 6 «В», который своею неугомонностью и упрямством порой напоминал белку из «Ледникового периода». А он что здесь делает? Белка вместе с ними был на отработке, но ушел несколькими днями раньше, заявив, что едет на море. Что, стало быть, море обрело его прямо здесь?

– Ты что здесь забыл? – сходу спросил его Пашка, едва они приблизились.

– Я с вами! Меня Семён попросил! Сказал, здесь стрелка! – Белка, как всегда, не мог стоять на месте и начал размахивать руками, изображая драку.

– Стрелка? – Павел посмотрел на Семёна, который удрученно отвёл взгляд. – Сильно сказано, однако! Просто программа перевоспитания начинается.

– Не нужно меня перевоспитывать! Отдай кепку! – на-

бравшись храбрости, Семён тоже поднял кулаки. – Между прочим, меня мама только на час отпустила, потому что уже поздно! И она знает, где я!

– Оу! А ты ей так и сказал, что на стрелку идёшь?

Диалог выстроить не удалось – Белка вообще болтовню не любил. С воплем «в бой!» он кинулся было на Павла, но тому было достаточно положить ему руку на лицо и как следует оттолкнуть, чтобы попрыгунчик оказался на земле. Впрочем, он тут же поднялся, маленькое, резкое лицо его сморщилось от негодования; и готов был к новой схватке.

– Так, стоять! Малышня, совсем охренели? – Павел поднял руки, немало удивлённый такой дерзостью. – Ещё один такой выпад, и я сваливаю. Достали. Я не затем вас позвал.

– А зачем? Зачем ты нас позвал, говори! – подпрыгивал Белка; его энергии пожалуй было многовато даже для Павла.

– Стой ты спокойно, раз пришёл!

– Не хочу! Мама говорит, у меня хороший обмен веществ!

Павел посмотрел на них снисходительно и устало.

– Слышите, вас бы уравнивать между собой, было бы в самый раз!

– Ты обещал отдать кепку! – напомнил Семён.

– Да погоди ты! Гляньте, что покажу.

Пашка достал из заднего кармана те самые ключи, что разглядывал днём на площадке, и позвенел ими перед носом ребят. Глаза Белки наконец перестали метаться и остановились на чем-то одном, приостановился даже он сам; Хомяк

же недоверчиво выпучился:

– Что это?

– Ключи! – Торжественно объявил Павел.

– Чёрт, я вижу, что это ключи! От чего они? Говори! – Белка снова пришёл в свое бесконечное движение. Пашке это надоело, и он схватил его за ухо.

– Слышь, чмошник, совсем страх потерял?

– Пусти! Пусти!

Но Павел только подтянул ухо его ещё больше.

– Ты успокоишься, или нет? Можешь вообще валить, я тебя не звал!

Белке пришлось померить свой пыл, хоть это и было нелегко. Намечалось что-то интересное, а сваливать в таких случаях он не привык.

– Вот так. Насчёт ключей – ничего не напоминают?

Семён призадумался было, но Белка не дал долго раскидывать мозгами:

– От квартиры? От склада? От гаража? От двери!

– Ты, тупица, я тебя не прошу перечислять варианты, а прошу подумать: от чего реально могут быть эти ключи? А, чёрт с вами... помните, когда мы грузили старые стулья из подвала в машину, а Нудило ушёл какие-то документы готовить и оставил ключи в замке?

Ребята закачали головами.

– Вроде бы он их потом не мог найти, – предположил Семён.

– Вот! А помнишь, я тогда сказал, что пойду обедать, а вы остались? Ну вот: я тогда сгонял в ближайшую мастерскую и сделал дубликаты. А потом, когда он уже тут рыскал, незаметно вернул его связку обратно в дверь. И?..

– Типа это ключи от школы, что ли? – очнулся Белка после всеобщего молчания.

– Неужели допёрли! Да, это ключи от этой долбанной школы! Этот от калитки, а этот – от чёрного входа, через который мы всё и таскали!

На лицах ребят отразилось непонимание. Пашка уже хотел было махнуть рукой, но вспомнил, что, кроме этих двоих недоумков до алкоголички-бабки, по сути, общаться ему сейчас здесь не с кем. Семён же поправил очки и осведомился:

– А зачем нам ключи от школы?

– Николай Петрович просил присмотреть.

– Что?

– Да затем, болваны вы недоделанные, что мы можем войти в школу одни! Слышь – одни! И там никого нет!

– А... а как же сторож?

– А насчёт сторожа есть одна задумка. И это, Хомяк, будет первым этапом твоего перевоспитания. Пошли!

Тихая, спокойная работа, чтобы копеечку заработать к пенсии – так полагал школьный сторож Георгий Афанасьевич, когда устраивался сюда пять лет назад. Сиди себе, раз-

гадывай кроссворд, смотри телевизор, пей чай и тупей поменьку – в общих чертах эту работу можно охарактеризовать именно так.

Работа школьным сторожем разнообразием не отличалась. Полагалось изредка делать обходы да проверять, все ли наружные двери заперты да окна, а в остальном – просто присутствовать в каморке рядом с гардеробом, развлекая себя незамысловатым досугом. Да и то – только в период школьных каникул; в остальное же время Георгий Афанасьевич присутствовал здесь только по ночам и, как правило, спал, оглашая пустынный холл раскатистым храпом. Была в школе система видеонаблюдения, но ею пользовался в основном дневной охранник, чьё рабочее место было у входных дверей; на лето же её и вовсе отключали.

Георгий Афанасьевич был стар, глух, подслеповат и плохо передвигался. Вероятно, из милости только его держали даже на этой службе, да ещё – ради экономии на зарплате, к которой он никаких притязаний никогда не имел, как и ко всему прочему. Пару лет назад он пережил инсульт и с тех пор сдал заметно. Ползать по этажам он почти не мог, ходил с палочкой и медленно, а во время ходьбы так и казалось, что его тоненькие, кривые ножки вот-вот подломятся, он упадёт на пол и рассыплется, как спичечный домик – настолько хрупким выглядело его исхудалое, даже иссохшее тело, извечно облачённое в пиджак тёмно-коричневого цвета и такие же брюки. Причём рукава пиджака, как и штани-

ны брюк, были неодинаковой длины – вероятно потому, что после инсульта его слегка перекособочило и он всегда очень сильно опирался на трость с резиновым наконечником, отчего стоптался и продырявился даже он, и трость теперь с жутким скрежетом чиркала металлом по плиточному полу. Чего он, впрочем, всё равно не слышал.

Директор Галина Алексеевна, дама строгая и исполнительная, несколько раз уже задумывалась о его увольнении – по правде говоря, ей было просто страшно, что с ним что-то произойдёт на работе или он всё же завалится где-нибудь – настолько неустойчивой выглядела его высокая фигура. Но это дело она всё откладывала из-за более важных, пока в конце концов не отложила до следующего учебного года. «Лето ещё протянет как-нибудь», – решила она и улетела в отпуск на Мальдивы. А Георгий Афанасьевич покорно обосновался на полтора месяца в своей небольшой каморке, где ввиду старости больше спал, нежели пил чай или смотрел старенький кинескопный телевизор.

Школа представляла собой типовое советское четырёхэтажное здание с двумя двухэтажными пристройками буквой «П» – в одной была столовая-актовый зал, в другой – физкультурный зал. Главный корпус с задней стороны имел балконы – по два балкона на этаж по концам коридоров, имевших в этих местах расширения, называемые рекреационными. Причём балконы второго этажа были полностью защищены незамысловатой решёткой, а третьего и четвёрто-

го имели лишь обычное ограждение высотой около метра. Балконы всегда были закрыты, однако Пашка разумеется несколько раз курил там, прогуливая физику – выбирался на них через окно из коридора.

Под этими же балконами на первом этаже находились запасные выходы – они вёли сразу на лестницу. Каморка сторожа была справа, ближе к столовой; ключ же у Пашки был от левого входа – очень кстати. Они тихонько прошли через калитку, пересекли школьный двор, где у них проходили линейки и который они убирали во время субботников, и аккуратно повернув ключ в замке стальной двери, оказались на тёмной лестнице. Павел закрыл дверь снова на ключ, а ключи убрал в карман. Хомяк явно струсил:

– Может, не стоит закрывать?

– Я если Афанасич вздумает обход сделать?

– Слушай... Паш... вот что: забирай себе мою кепку, а я лучше пойду...

Паша посмотрел на него почти с отвращением:

– Да ты, смотрю, не только Хомяк, ты ещё и баба!

Хомяк стойко снёс оскорбление. Павел же вернул ему кепку, отпер дверь и сказал:

– Вали. Только в сентябре тебе лучше в школу не приходиться, имей в виду.

Как бы ни был велик страх перед неизвестностью, а сохранение собственного достоинства чаще всего выходит на первый план. Так, по крайней мере, происходит в детстве. Если

же вы сохранили это чувство и во взрослом возрасте, то тут впору посетить психолога. Хомяк же, в силу своих детских лет, при упоминании о сентябре струхнул ещё больше.

– Ну... а что я должен сделать?

– Это правильное решение, – Павел снова закрыл дверь. – Ничего особенного. Я хочу попугать старика. Белый, ты кстати с нами?

– Я с вами! Я точно с вами! – откликнулся Белка; под новыми впечатлениями активность его чуть уменьшилась, и он уже не подпрыгивал на месте, хотя и вытянулся весь в струну от напряжения.

– Только предупреждаю: об этом, конечно, никому ни слова. Иначе урою обоих.

– Да это понятно... – ответил Белка так, словно его спросили, сколько будет дважды два. Хомяк только сглотнул.

– Тогда пошли. – И они осторожно двинулись в тёмный холл в направлении гардероба.

3

Спят стулья и парты, доски и указки. Учительский стол медленно покрывается пылью, и безразлично смотрят со стены на пустой класс математики Лейбниц в компании Гаусса и вечно хмурого Лобачевского. Когда-то здесь царили шум и гам, повелительный голос учителя или весёлый детский крик разносился по коридорам, сотни ног за день пробежали вверх и вниз по лестницам, топтали подвытертый линолеум и скользили по плитке в туалетах; теперь все двери закрыты, вода в санузлах отключена, звонки отключены тоже, а все цветы из классов выставлены на подоконники в коридоры, чтобы сторож их поливал – это тоже было его негласной обязанностью. Особенно он ненавидел кабинет биологии, где развели почти оранжерею и цветы жили там всё время, поскольку вытаскивать огромные кадки с пальмами никто не собирался, и ещё потому, что был он на четвёртом этаже, куда как минимум пару раз в неделю Георгию Афанасьевичу приходилось таскать свои корявые ноги и где бутфорский скелет в углу насмешливо поглядывал на него пустыми глазницами. Так проходило каждое лето в школе – тихо, пыльно и с оттенком мистики для искушенных умов.

Поролоновый человек в мешке тоже собирался провести лето спокойно, не покидая своего уютного нанафталинового пристанища. Руководитель театрально-рукодельно-

го кружка Мария Михайловна педантично всё прибрала в небольшой кладовочке, разложила по местам и закрыла полиэтиленом, чтобы не пылилось, и теперь с чистой совестью проводила дни на даче, взращивая не менее аккуратные цветочки на не менее педантичных клумбочках. В её светлую, наполненную мыслями о садоводстве и театре голову и закрасться не могло, что кто-то расхаживает сейчас по её кладовке, разрушая устоявшийся покой! А иначе бы она, несомненно, бросила бы лейку и ринулась спасать своё царство ниток-иголок да незатейливого реквизита, да ещё бы устроила взбучку сторожу, не постеснявшись его возраста, который, расставляя ловушки для крыс, забыл закрыть туда дверь. Точнее не забыл, а не проверил после того, как попросил завхоза посмотреть ловушки, когда шли ещё работы по школе, а тот перепоручил это дело Пашке, а Пашка намеренно не запер дверь, отчитавшись, что все ловушки в норме и ждут хвостатых посетителей. Но нет! Ничего подобного не закралось в светлый ум Марии Михайловны, и убедившись в тот вечер, что астры её растут отлично и зацветут в срок, она безмятежно отправилась в свой дачный домик смотреть ТВ-шоу да попивать чай с конфетами «Дунькина радость», что продавали в их сельском магазинчике по восемьдесят рублей за килограмм. А поролоновый человек, игравший в театральном кружке обычно огородных чучел и прочих неподвижных персонажей, вроде рыцаря на заднем плане, а пару раз даже трупов в школьных инсценировках романов Агаты

Кристи, покорно покинул свой мешок и был утащен куда-то за ногу.

– Я хочу попугать сторожа, – пояснил Паша, разложив поролоновое тело на полу и подыскивая теперь кушак или ремень.

– Ого, сколько тут всего... а зачем нам пугать сторожа? – Белка с любопытством разглядывал театральную кладовку, где ещё ни разу не был. – Смотрите! Это пистолет!

Он взял игрушечное оружие и стал целится во всех по очереди.

– Тихо ты! Все двери в школе закрыты. Все ключи у Афанасича, у меня только входные. Нам надо вытащить у него ключи, иначе мы кроме как по коридорам ходить не сможем. Сечёте?

– Ну да! И мы тогда сможем везде-везде побывать?

– Везде.

Хомяк, до этого с опасением смотревший, как Павел привязывает к шее поролонового товарища поясок от платья Джульетты, ожил:

– И в столовой тоже?

– Э, тебе бы всё жрать! Ну да, и в столовой тоже. Не сомневаюсь, что специально тебе там оставили порцию.

Глаза Хомяка загорелись; кажется, он даже позабыл бояться.

– Ты губу-то подбери, Хомячина! Столовую ещё заслужить надо. Сделаешь всё как я скажу – может и пушу туда.

Хотя там наверно всё убрано. Но что-нибудь вроде печенья могло остаться!

При слове «печенье» хомяк сглотнул, чем рассмешил Белку.

– Тебя что, дома не докармливают? Ха-ха!

– Его на диете держат, – добавил Пашка, и Семён надулся. – Так! Теперь нитку Ищите нитку! И ты ищи, что застыл? Для тебя же всё это.

– Что ты... то есть я... должен буду делать? – выдавил Хомяк.

– Сейчас всё увидишь. Ну, готово! Назовём его Жорж.

И Павел продемонстрировал всем Жоржа. На голову ему в качестве лица нацепили маску кота Леопольда, на шею накинули петлю из кушака Джульетты, а к ноге привязали тонкую чёрную нить.

– Значит так, объясняю один раз, – заговорил торжественно Пашка. – Мы подвесим его к потолку у гардероба, где каморка Афанасича. Так, словно он повесился. Типа труп висит. Ты ведь уже играл труп, правда, Жорж? Ну вот, тебе не привыкать. Опыт есть! Мы с Белым спрячемся за дверью на лестницу, и протянем туда нить. А ты, Хомяк, должен будешь пойти к Афанасичу и как-нибудь заставить его выйти в холл. Он увидит это дело, и тут я потяну за нить, словно он поворачивается... короче, тот напугается, он ведь слепой, не поймёт сразу... кинется к дежурному телефону, который у входа, и тут ты, Хомяк, должен будешь зайти туда к нему

и взять ключи. Вопросы?

В глазах несчастного Хомяка был шок, у Белки же – восторг.

– Ого! Вот это супер! Вот это ты придумал! – тут же запрыгал последний. – А потом что?

– А потом свалим. С ключами.

– Но... – ожил Хомяк, – это же... он же старый! Нельзя так!

– А ты не помнишь, как он нас своей палкой гонял, когда ещё пошустрее был? Так можно?

– Меня гонял, да! Но не догнал, ха-ха! – вставил Белка.

– Тихо ты, иначе я тебе рот заткну и к стулу привяжу! Мне, между прочим, он тогда в лоб вмазал своей тростью долбанной.

– Меня он не гонял, – заявил Хомяк, – а тебе... не надо было к нему в комнату подбрасывать вонючку эту... сигарету...

– Ты поучи ещё меня! Я выкурить его хотел. А заодно проверил, есть ли у него нюх. Поздно, Хомячина, я же предлагал тебе уйти! Поздняк метаться.

– А можно я потяну? Можно я потяну на нить? – не унимался Белка.

Пашке надоело: он взял его за ухо и толкнул, тот угодила в ловушку для крыс. Раздался щелчок и Белкин истошный вопль – ловушка захлопнулась прямо по пальцам ноги, и открытые сандалии не смогли их уберечь. Пашка подскочил к

нему, зажав рот.

– Слушай, ты откуда вообще взялся на мою голову? Ты же уезжать куда-то там собирался! Разожми ты ему ногу, Хомяк, что стоишь?

Семён бросился исполнять указание.

– Мы... мы должны были уехать, но папа... попал в больницу, – ответил Белка уже весьма смиренно.

– А что так? Нос сломали?

Павел очередной раз пошутил, однако попал в точку. Белка, потупив взор, обиженно проговорил «да».

– Ого! Да ты, по ходу, весь в него. Вот, учись на ошибках родителей! Небось тоже твой папаша рот не закрыл вовремя.

Белка промолчал, и Павел обратился к Хомяку:

– Ну выбирай: идёшь со мной принудительно или добровольно?

– Уже почти десять, меня мама будет искать!

– Ты свои часики поганенькие выкинь, они всё равно врут. Я тебе скажу, когда десять будет.

Хомяк печально поглядел на свои простенькие наручные часы с обычным белым циферблатом, но, видимо, всё же не пожелал с ними расставаться. Он молча взял на плечо Жоржа и пошёл к выходу.

– Вот это дело, – одобрил Павел. – А ты – стул бери!

Белка взял металлический стул и захромал позади.

4

Солнце клонилось к закату. Последние его рыжие лучи ненадолго озарили холл, и наступил полумрак, тихий и таинственный. Поганенькие, как выразился Пашка, часы Хомяка показывали около одиннадцати, когда он не дыша от страха пробирался через гардероб к комнате сторожа. У Семёна был скромный мобильный, он перед этим позвонил маме и предупредил, что задержится, та согласилась без особых препирательств, что немало удивило его и даже огорчило. Обычно она отличалась строгостью; теперь же, когда строгость не помешала бы, она лишь сказала «хорошо, только позвони, как домой пойдёшь».

Жорж уже болтался в холле, привязанный к лампе. Честно говоря, на висельника он был мало похож, хотя, если в темноте, да сослепу... но болтался он именно как поролоновый мешок, неестественно, да и был каким-то больно уж тощим, к тому же, одна нога была чуть короче другой. Павел с Белкой спрятались за дверьми на лестницу, а Семёну поручили каким-либо способом, на его усмотрение, заставить сторожа выйти в холл. Сообразительностью Семён не блистал, поэтому «какой-либо» способ весьма озадачил его. Наверно, требовалось извлечь громкий звук, но из каморки Георгия Афанасьевича всюду орал телевизор, и с громким звуком явно возникали проблемы.

Семён медленно пробирался вдоль стенки к открытой двери, из которой падал пучок света, превращая пустые гардеробные вешалки в причудливые, многопалые тени на противоположной стене. Сторож смотрел какое-то шоу – постоянно слышался бодрый голос ведущего и закадровый смех. Мама никогда не разрешала смотреть ему такие шоу, называя их рассадником тупизны... рядом с дверью стояло металлическое ведро и швабра. Уронить ведро? Вряд ли Афанасич услышит это. *А что если он...* неприятные мысли полезли в голову Семёна. Присматриваясь к пучку света, он не видел ни малейшего движения внутри кроме отблесков телевизора, не слышал ни малейшего иного звука. Он кинул умоляющий взгляд назад, но Пашка из дверей лишь погрозил кулаком и сделал не обнадеживающее движение ребром ладони поперёк шеи. Хомяк сглотнул, но желудок откликнулся комом в горле. Он продолжил подбираться к пучку жёлтого света... постепенно начало вырисовываться пространство каморки. Сначала он увидел желтоватый холодильник, затем край стола... на нём газеты, чайник, кружка... всё это какое-то грязное, неопрятное. Старческое. Просиженный деревянный стул перед столом был пуст. На столе была тарелка с остатками курицы и каким-то жёлтым засохшим налётом, наверное масла. По обглоданным куриным костям ползали мухи. Несколько из них уже прилипли к лепучке, что висела прямо над столом. На самом краю стола стояла ещё тарелка, пуская, только с крошками – наверное из-под хлеба. Желу-

док Семёна возмутился ещё сильнее, угрожая выкидышем. Сторожа пока не было видно.

А что если он... снова эта мысль! Услышав шорох позади, Семён резко обернулся и чуть не заорал – так сильно напугал его Жорж, слегка покачиваясь в полумраке. На самом же деле причиной шороха был Белка, которого опять по какой-то причине пришлось унимать. Из холла Хомяк услышал угрожающий шёпот Пашки. Но... резкий рык, или хрип... и Хомяка откинуло к стене.

Мозг сделал попытку бежать, но ноги подогнулись, и он с невнятным вскриком повалился на пол, потеряв очки. И решил: всё, конец! Рык повторялся снова и снова, и Хомяк беспомощно ожидал расправы, зажмурив глаза. Но расправа всё не приходила.

– Вставай! Э, тупица! Вздремнуть решил? – расслышал он вскоре приглушённый голос Павла, и гадкое Белкино хихиканье на фоне.

Семён приподнял голову. Очки расплывчатым очертанием лежали рядом. Он не умер, и даже ничего не болит!

– Ну ты и тормоз! – прокомментировал Пашка уже в голос.

Конечно, это был храп. Раскатистый, прерывистый; тот самый знаменитый «храп старого сторожа». Георгий Афанасьевич спал на кушетке, что была в углу каморки, и ни телевизор, ни какие-либо другие звуки не могли быть помехой его сну, разве только в ухо не заорала бы пожарная сирена.

Заглянув в дверь, Семён обнаружил его полулежащим; наверное он подложил несколько подушек под спину, чтобы удобнее было смотреть шоу, но теперь съехал с них, и голова запрокинулась назад. Его круглые дедовские очки сползли; рот открылся, обнажая беззубое пространство с гнилыми пеньками; всё лицо как будто съехало набок. «Какая у него противная губа» – пронеслось в голове Хомяка: нижняя, загнутая губа Георгия Афанасьевича часто бывала объектом школьных шуток. Её так и называли – «губа Афанасича», а первоклашек любили поугагать рассказами про «поцелуй Афанасича». Особо непослушных сторож ловил, запирали у себя в камере и лобызал вот этой вот губой! И хотя Хомяк уже миновал тот впечатлительный возраст, сейчас, вспомнив эту страшилку, спина покрылась мурашками. Какой у него большой, убогий нос, весь в сосудах... а щеки тонкие и обвисшие... и маленький, сморщенный подбородок. Не лицо, а отпечаток медвежьей лапы, как шутили в школе.

Пару минут Хомяк тупо пялился на сторожа, не зная, что предпринять. Страх постепенно прошёл, сменившись недоумением – Георгий Афанасьевич точно не собирался просыпаться. Он, наверно, только поужинал и теперь решил прилечь. Однако... соображалка, всё же, кое-как начинала работать. Если он спит при орущем телевизоре, то не возмутит ли его полная тишина? Хомяк сделал несколько шагов вперёд, стараясь не смотреть на остатки курицы и мух, которые при его приближении недовольно зажуужали. Телеви-

зор стоял на тумбочке между столом и кушеткой. В комнате был невыносимый запах пыли вперемешку с грязной одеждой и чем-то кислым. Пиджак на груди сторожа, у подбородка, был затёрт, на манжетах рукавов тоже... сколько ж он не стирал его? Приближаясь, сердце Хомяка заколотилось почти с оригинальной скоростью, то есть как у животного. Он так и видел этот беззубый рот, который словно наезжал на него и готов был поглотить... не отрывая взгляда от сторожа, правой рукой он нащупал на телевизоре кнопку и нажал её. Послышался лёгкий щелчок, и повисла тишина. Хомяк не дышал, уставившись на старика. Тот ещё пару раз всхрапнул и стал вдруг причмокивать, словно подавился своим же языком. Семён попятился... наверно, Георгий Афанасьевич хотел лишь повернуться поудобнее, но Семён задел стул, тот подвинулся и своротил со стола тарелку, стоявшую на краю.

Звон показался Хомяку оглушительным. Он ринулся бежать, но ноги снова подвели, и в гардеробе он шмякнулся, задев железное ведро, отлично добавившее шума.

Храп и чавканье прекратились. Сторож проснулся. И не увидев разбитую тарелку и ведро, выкатившееся как раз в дверной проём, уж точно не мог даже при всей своей слепоте. Семён же кое-как, на четвереньках добрался до дверей, куда его втащили ребята. Но вот незадача – это многострадальные очки остались лежать на полу в гардеробе.

– Мои очки! Там мои очки!

– Тихо ты, придурок! – успокаивал его Пашка, – потом

заберёшь свои очки!

А Белка как всегда подпрыгивал:

– Ну ты молодец! Ну ты даёшь!

– Тихо вы все! Он идёт.

Пучок света, озаряющий гардероб из каморки, загородила высокая фигура. Увеличиваясь к противоположной стене, она казалась чудовищем, настоящим Слендермэном. Сначала из двери появилась трость, затем неуверенно шагнули ноги...

– Кто здесь, чёрт возьми? – прохрипел Георгий Афанасьевич и снова закашлялся. Затем пнул тростью ведро и направился к выходу из гардероба, где были электрические выключатели.

– Он не видит! – заявил Белка. – А если он включит свет? Он всё поймёт...

– Сейчас увидит, – Павел приготовился медленно потянуть за нить. Хомяк так и вовсе прижался к стене и предпочёл не смотреть.

Но вот Георгий Афанасьевич словно бы что-то заметил в полумраке холла... что-то длинное, свисающее с потолка. Он остановился, поправил очки... и лицо его из гримасы гнева медленно перетекло в маску страха, искреннего и всецелого. Рот раскрылся, нижняя вывернутая губа отпала; глаза расширились, за линзами очков сделавшись совсем огромными. Павел уже тянул за нить, и Жорж покорно поворачивался в сторону сторожа. Тот ещё сделал два маленьких

шажка, сильно крелясь на трость, потянул руку к выключателю... резко её отдернул и прижал к груди, а сам навалился на стену. Не выдержал Белка:

– Что с ним?

– Не знаю...

– Похоже, ему не хорошо...

Георгий Афанасьевич медленно сползал по стене. Он выронил трость, потом сел; до ушей ребят донёлся сдавленный хрип. Хомяк вдруг вскочил и хотел дать дёру, но та же сильная рука вовремя ухватила его за шиворот и притянула к окну двери.

– Хочешь ещё одну футболку разорвать?

– Я не могу...

– Да уже всё.

– Держись, Семён! Я с тобой! – Белка положил ему на плечо руку, однако не скажу, что это сильно обнадёжило несчастного Хомяка, лицо которого по гримасе сейчас мало отличалось от Георгия Афанасьевича. А тот уже лежал на полу, издавая последние, натужные вздохи умирающего.

Пашка редко чего боялся. В семье своей он повидал немало: пьянки, побои и мат были обычным времяпровождением домочадцев. Нередко доставалось и ему, если он попадал под горячую руку. Мать орала как бешеная по любому поводу, отец огрызался и заставлял её умолкнуть, как правило физически. Бабка – по матери – частенько подливала жару. Поэтому он старался вообще поменьше времени проводить

дома, синяки и фингалы объясняя драками на улице. А поскольку они с ним тоже случались нередко, то истинное происхождение синяков объяснить было трудно. Нередко он сам провоцировал их в школе или на улице, желательно на глазах учителей, чтобы новым слоем ссадин и синяков спрятать те, что получал дома. И чтобы все думали, что это он всегда здесь их получает. И чтобы отдел опеки поверил в это, надея о нём справки в школе. А всё потому, что в детдоме он однажды уже побывал.

Да, он редко чего боялся, но сейчас, как назло, он был не один. С ним были малолетки. А эти ведь всё могут выболтать, как ни угрожай... Семён отвлёк его:

– Что с ним? Он на полу? Он по-моему лежит на полу!

– Верно, глазастый; он на полу.

– И правда, что с ним? – проговорил Белка, от испуга даже перестав суетиться.

– Иди и проверь.

– Я?

– А кто, я?

– Ну... – он покосился на Семёна, раздумывая, стоит ли напомнить, что это всё для него делалось. Пашка разгадал его мысль:

– Хомяк уже своё дело сделал. Иди теперь и проверь, что с ним! Заодно заберёшь очки, вон они валяются... – Павлу нужно было время. Он сам не знал, что делать. Не дай Бог сторож...

– Ну ладно, – нехотя отозвался Белка, приоткрывая дверь. – Только как я проверю-то?

– Ты на ОБЖ ходишь? Вот и вспоминай. Зря, что ли, Гуля Ахмедовна так старается?

Попытка разрядить обстановку успеха не возымела. Белка сглотнул и вышел в холл, не сводя глаз со сторожа. Их учительница по ОБЖ, Гуля Ахмедовна, чьё имя само по себе нередко вызывало улыбку, и правда очень рьяно относилась к своим обязанностям, не уставая показывать на выдавшем виды манекене, где щупать пульс и как делать искусственное дыхание и массаж сердца. Много лет подряд на школьном конкурсе учителей, где присваивались звания типа «самая обаятельная», «самая добрая», «самая женственная», «самая красивая» и т.д., Гуле Ахмедовне доставалась почётная награда «самая эрудированная», поскольку ни одно из других званий не подходило к ней даже близко. Белка же точно решил, то ограничиться, максимум, проверкой пульса на руке... очки Хомяка валялись под ближайшей вешалкой. Бесшумно передвигая ногами и не дыша, он смотрел в их сторону, тем самым лишь пытаясь обмануть себя – взглядом всё равно косился на Георгия Афанасиевича, пытаясь уловить малейшее движение губ или век.

Чуя, должно быть, новую добычу, несколько мух вылетели из коморки в гардероб и нарушали тишину своим противным нервным жужжанием. Гудели мухи, гудел холодильник в коморке, гудел даже свет... всё это хорошо улавливал

обострённый слух Белки. Медленно подобрав очки, он повернулся к сторожу и сжал очки в руке, точно ища в них защиту. На лбу его выступил пот, и одна из мух поспешила туда сесть – Белка лишь слегка мотнул головой... рот Георгия Афанасьевича был открыт, рядом с головой образовалась небольшая лужица слюней. От него веяло перегаром и, кажется, тухлой курицей... или это из коморки...

Белый приблизился. Осталось только наклониться и дотронуться до руки. И ребята, как назло, молчат. А вдруг они уже смылись? Белка оглянулся... и костлявая, деформированная артритом рука намертво сомкнулась на его лодыжке.

Последний хриплый выдох вырвался из груди сторожа, последняя надежда перед падением в темноту вечности. Отчаянный рывок из последних сил; просьба о помощи и безумный страх смерти были основой этого движения, но Белка, разумеется, воспринял всё иначе. Тело его среагировало быстрее мозга – он рванулся прочь, но хватка была цепкой; и падая он даже не успел подставить руки, которые, казалось, старались убежать отдельно от всего остального, и неслабо приложился подбородком об пол. Он даже забыл закричать. Вопль вырвался только теперь, и уже от боли, нежели от страха. Свободной ногой он отбивался что было мочи, пока наконец не услышал хруст позавиди и не почувствовал, что его щиколотка свободна.

Одновременно с ним взвыл и Хомяк. Ситуация явно выходила из-под контроля; Пашка опасался, как бы крик не

услышали снаружи. Да и сам он струхнул – всё-таки от детского возраста он ушёл недалеко. Пропустив в дверь ревущего Белку, они втроём бросились к выходу через коридор второго этажа.. Пашка долго возился с ключами, и полегчало ему лишь когда дверь была заперта, а внутри остался один несчастный сторож да мухи.

Хомяк с Белкой улепётывали что было сил. Пашка быстро нагнал их:

– Стоять!

Но те и думать про него забыли. Выбравшись за калитку, Павел схватил их обоих за шиворот и хорошенечко встряхнул. Были они уже за детской площадкой у трансформаторной будки, за которой частенько квасили бомжи и на которой красовался примитивный портрет Цоя. А однажды они нашли там среди бутылок и пакетов дохлую кошку и потом долго ходили на неё смотреть, наблюдая, как она разлагается.

– Стоять! Пошли сюда, придурки... – Пашка затащил их за будку, отдышался. На Белку было страшно смотреть: подбородок распух и выглядел как огромная красная кочка на его аккуратном миниатюрном личике. – Вы мужики или нет? – Призывал Павел, но похоже его авторитет ввиду случившегося сильно пострадал. Нужно было сделать что-то весомое.

– Я язык... я откусил язык! – Прошамкал Белка, показывая кровавые зубы.

– Не носи чушь! Если бы ты откусил язык, ты бы не смог

говорить.

– Что теперь с нами будет? Я не хочу в тюрьму! – Поднывал Хомяк.

– Никто тебя... нас в тюрьму не посадит! Если вы прекратите ныть и возьмёте себя в руки. Никто ничего же не видел и не знает, кроме нас троих. И потому мы теперь с вами заодно.

– Он схватил меня! Ты видел? За ногу!

– Это был... просто рефлекс. Остаточный рефлекс мышц, такое бывает.

– Надо... позвонить в скорую! – Спыхватился Хомяк и начал искать свой телефон.

– Слушай! Никто никуда звонить не будет. Уже поздно всё равно. Так...

Павел подобрал с земли осколок стекла. Из-за этих малолеток ещё калечить себя придётся! Но что поделать... надеюсь про себя, что на осколке не окажется никакой заразы, он вытер его футболкой и провёл острым краем себе по ладони.

– Семён! Давай руку.

– Ты что? Не... не нужно...

– Давай!

Со слезами на глазах Хомяк протянул пухлую, влажную руку, и взвыл от боли, когда пот смешался с кровью.

– Денис, теперь ты!

Белка тоже протянул дрожащую ладонь.

– А теперь, – сказал Пашка, отбросив осколок, – давайте

ваши руки сюда.

Их руки слились в кровавом рукопожатии. В союзе, который должен был обеспечить единство и тайну. По крайней мере, Павел очень на это рассчитывал; хотя бы пока он не придумает что делать дальше.

– Теперь мы вместе. Мы – заодно, мы – команда! Где нет и не может быть предателей, – завершил он ритуал. – Жду вас завтра в то же время на площадке. А сейчас – по домам!

Тыльной стороной ладони Хомяк вытер лоб, однако кровь всё равно слегка попала. Выглядело это забавно.

– Завтра? Зачем завтра?

– Мы должны завершить начатое. Всё! До завтра! – И он быстрым шагом направился к дому во избежание дальнейших вопросов, ответы на которые и сам не знал. Ребята проводили его недоумевающим взглядом.

– Ладно, пошли. Ого, меня небось мама заждалась! – Хомяк с ужасом глянул на часы. – Дэн, отдай мои очки!

Очки Хомяка до сих пор были в кулаке у Белки. Он и забыл про них. А когда разжал руку, оправа оказалась погнута – так сильно её сжимали. Не пострадав при падении, очки стали жертвой ребяческого страха.

– Ну спасибо! Как я теперь в них буду ходить? – Хомяк возмущённо водрузил их на нос, и сидели они криво, съехав на левую сторону.

– Ты теперь похож на Георгия Афанасьевича, – заметил Денис. – У него тоже кривые очки были...

– Не напоминай! Ты придёшь завтра?

– А ты?

– Не знаю. Я подумаю...

Быстрым шагом пересекая детскую площадку, Павел не глядел по сторонам, хотя обычно всегда осматривался, придумывая, чем бы себя занять. Теперь же занятие нашлось, и надолго. Здание школы мрачной, тёмной глыбой возвышалось впереди, и внутри него одиноко лежал на полу мёртвый сторож. Нельзя, нельзя никому говорить! Ни «скорой», ни полиции... что они увидят, войдя туда? Свисающего с потолка «висельника» и труп старика рядом... очевидно же, что это злая, неудавшаяся шутка. И подозрение падёт на них – последних, кто бывал в школе. И особенно на него – благодаря своей репутации, которую он сам же и создал. И которая ему, в принципе, нравилась... до сегодняшнего дня. Хомяк и Белка... он не был в них уверен. Они могут смолчать сейчас, но, приди к ним полицейский, выложат всё тут же. Белка ещё не сразу... а этот увалень уж точно. Вот так легко недалёкая шутка может обернуться серьёзной проблемой!

Пару раз Павел уже бывал в детской комнате полиции, пару раз его запирали в обезьянник – даром что подросток – до наступления утра... и ничего хорошего там не было. Заступиться за него было некому, и в тюрьму он не хотел. Он понимал, что эта их выходка вряд ли может обернуться столь серьёзными последствиями, но зная инспектора по делам несовершеннолетних, противного дядьку с усами по фа-

милиии Псаев, рисковать вообще было не обязательным. И, как ни крути, дома всё же лучше...

– Эй! Ты что по ночам шатаешься?

Вздвогнув, Павел уставился на скамейку на детской площадке, где сидел какой-то мужик. Увлечённый размышлениями, он не понял сначала, кто это.

Мужик упрямо глядел на него, и влажные глаза поблёскивали в свете отдалённых фонарей. Рядом на скамейке поблёскивала бутылка.

– Ты что, я спрашиваю, ночью шляешься? Тебе давно пора дома быть!

Он узнал знакомые нотки раздражения, хорошо сдобренные спиртным. Завхоз Николай Петрович, видимо, в первый день отпуска решил расслабиться... ничего не ответив, Пашка бросился со всех ног. Какого чёрта он здесь? Валил бы куда, раз в отпуске. А вдруг он...

А вдруг он пойдёт в школу? Так сказать, проверить порядки, навестить старика?

При этой мысли спина покрылась гусиной кожей и руки заledenели, хотя Павел бежал да самого дома и запыхался. Выступивший пот будто бы стал льдом, покрывшем его коркой.

Накрутив пару кругов вокруг своей пятиэтажки, чтобы успокоиться, он поднял глаза к последнему этажу, где неизменно светилось окно кухни. Конечно, бабка не спит... вернее, может и спит, – на столе. И хорошо если одна. А у него

даже сигарет нет, чтобы в себя прийти... он заскочил в ближайший ночной ларёк. В кармане его были мятые сто рублей.

– Пачку макарон можно, и сигареты вон те... – попросил он, но в ответ услышал злобный, продиктованный явно не стремлением соблюсти закон отказ насчёт сигарет.

Нет у него сейчас сил препираться. Забрав макароны, он ушёл. А дома, войдя на кухню, бросил пачку на стол, рядом с бутылкой и спящей бабкой (на счастье, одной), почувствовал отвращение ко всему вокруг и отправился спать. На старую тахту, состоянием не лучше, чем была та, у сторожа, и отгороженную от остального пространства комнаты шкафом. Николай Петрович же, наслаждаясь теплой летней ночью и приятным пузырьковым расслаблением – от пива, обошёл школу, убедился, увидев свет в коморке сторожа, что всё нормально, и нетвёрдым шагом пошлёпал в направлении дома.

Ту кошку они обнаружили весной, когда начал таять снег. Темно-рыжим пятном её шерстка обозначилась в грязноватой наледи. Хомяк тогда вместе с Белкой, который учился в одном с ним классе, шатались после школы и заглянули за ту трансформаторную будку – их притягивало туда как и в любое место, где детям бывать нежелательно.

Частенько Хомяк просыпался ночью от гавканья собак – бродячая свора с наступлением тьмы шаталась по кварталу, распугивая кошек и крыс. В ту ночь они долго и истошно тьякали под окном, не давая сомкнуть глаз. Семён вертелся в кровати, и одновременно с несносным лаем в голову забирались не менее отвратные мысли, что завтра контрольная по русскому языку – его слабому месту – а он не выспится. А написать он должен хорошо, нет, – отлично! Иначе... он просто должен сдать отлично. Потому что быть очкариком, но при этом не отличником – вообще никуда не годится!

Встав, он нашарил тапки и подошёл к окну. Трое или четверо животных извивались вокруг дерева, глядя вверх и ставя на ствол лапы. Там наверно сидел кто-то, но в темноте Семён не разобрал. Он так и подумал, что кошка, кто же ещё? И стал вспоминать, не осталось ли после Нового года петард-хлопушек, чтобы припугнуть этих тварей. Хорошо родителям, они в другой комнате, и окна у них на другую

сторону дома!

Петард он не нашёл, но тихонько оделся и пошёл разгонять собак хотя бы так. Едва он открыл дверь подъезда и в лицо ударил холодный мокрый воздух северной зимы, гавканье стихло. Обогнув дом, он вышел к той подстанции. За ней никого не было видно. Должно быть, разбежались уже; но проверить он всё же решил. Подойдя ближе, он осмотрел, сколько мог, огромный тополь, но на ветках никого не было. Потом залез на сугроб и опираясь рукой на холодную изрисованную стену пробрался дальше; на сером фоне снега начало проявляться что-то тёмное. Вообще там лежало несколько старых матрацев и спинка от дивана, на которых летом отдыхали бомжи, но сейчас... всё должно быть под снегом. Не мог же он так быстро стаять, хоть и оттепель?

Внезапно его охватило ощущение, что кто-то смотрит на его спину. Но поворачиваться он не рискнул. На снегу он различил два продолговатых очертания, напоминающие ноги... медленно из серого фона выплыло тело, прислонённое к сугробу-матрацу. Очки сверкнули бликом отдалённого фонаря, из тьмы выступила влажная вывернутая губа. Ноги Семёна вдруг стали проваливаться, точно были головешками и снег под ними таял. Он сделал шаг назад, но застрял и навалился на стену. А тело вдруг повернуло в его сторону голову... проснулся он, сидя на кровати и весь в поту.

Ну конечно, никуда ведь он не ходил в ту ночь! *Ту кошку они обнаружили весной, когда начал таять снег. Весной!*

Однако искажённое злобной мукой лицо сторожа так и висело перед ним в воздухе. *Надо было всё же вызвать...* В коридор падал отдалённый отблеск света. Мама не спит. Наверно, он всё же не кричал, иначе бы она прибежала. Нашарив тапочки, Семён слез с кровати и побежал к ней.

– Мам? Ты не спишь? – Он тихонько заглянул к ней в комнату. Мама при свете настольной лампы читала книгу.

– Нет. А ты почему не спишь?

– Мне кошмар приснился. Помнишь ту кошку, что мы нашли за будкой? Мне приснилось, что там был человек... что это его загрызли...

Семён забрался к ней в кровать и обхватил руками колени.

– Это всего лишь сон. Я же учила тебя не верить им.

– Да, но это было так явно...

– Как я тебе говорила?

– А, да...

Он зажмурился и прошептал три раза: «Сон, уйди, и страх забери! Сон, уйди, и страх забери! Сон, уйди, и страх забери!». А открыв глаза, привычная комната показалась ему намного приветливее. Мама отложила книгу и погладила его по голове, тоже сев. Семён спросил:

– А папа когда вернётся?

Мама отвела взгляд в сторону.

– Не знаю. Видишь ли, у папы теперь есть другая тётя, а тётя Нина его больше не устраивает!

Хомяк помолчал. Понимая уже, что между мужчиной и женщиной могут быть отношения, он пока совершенно не задумывался об их истинной сути и предпочитал не углубляться в эту тему, считая её откровенно неприятной. Насупившись, он так и не ответил.

– Почему у тебя погнуты очки? – спросила мама.

Он же забыл их поправить! Спohватившись, Хомяк попытался выгнуть их обратно.

– Я... случайно сжал их очень сильно, потому что они упали. – Его мысли мгновенно улетели в завтрашний день, точнее, уже в сегодняшний – в вечер, когда Павел снова соберёт их у школы. *Они команда. Они заодно.* – Знаешь, – продолжил он, – я пойду спать. И ты ложись, уже три часа! – и он поспешно чмокнул её в щёку и ушёл. Слишком велик был соблазн всё выложить как есть, ведь он чаще всего так и делал! А мамино заклинание работало. Мёртвый сторож стал вдруг чем-то далёким и совсем незначительным, на что не нужно обращать много внимания и уж тем более не следует бояться.

Настал вечер. Сказав, что придёт поздно, Хомяк отправился на встречу с его новой командой. Странно, мама так легко на это согласилась, и даже вчера вечером его не ругала ни за порванную футболку, ни за его позднее возвращение! Неужели отношения могут быть столь весомы, чтобы так изменить характер? Она и так была расстроена, Семён видел

это. И ему делалось очень грустно, когда он представлял, как огорчит её, если признается во вчерашнем. И он твёрдо решил пока ничего ей не говорить. На детскую площадку он пришёл грустный, но вполне уверенный. Павел тоже явился удручённый, что читалось на его резком лице чуть тёмными отметинами.

– Ну, мужики, я надеюсь вы подумали о случившемся и пришли к выводу, что начатое нужно завершить, – начал он небывало серьёзно для него.

– Но как? Что именно? – Белка тоже сегодня был на удивление тихим.

– Жоржа надо снять и убрать наместо, сторожа тоже – затаскать в его каморку и... и уложить на тахту. Будто он там и умер. И тогда, когда его найдут, ни у кого не возникнет никаких подозрений.

Хомяк молча пялился в гравийную дорожку, Белка же выдавил:

– И кто будет это делать?

– Мы, чёрт возьми! Все вместе, и не отнекивайтесь! – Злобно отозвался Павел и достал ключи. – Идём.

– А что у тебя с лицом? – Спросил Хомяк по дороге.

– За сторожа переживаю!

Ответ был резким и явно издевательским. В нём звучала угроза, и Семён не полез на рожон. В конце концов, какое его дело?

Говорят, помещения – дома, квартиры, школы – живут

эмоциями их обитателей. Там, где слышен детский смех и топот маленьких ножек, всегда легко и приятно; где раздаётся грозный голос строгого начальника, грозными кажутся даже стол и стены; а где разносятся стоны больных, там каждый метр пропитан их гнетущими страданиями. Всё вокруг нас отражает нас самих, и если где-то находится не по себе, это лишь говорит о том, что мы далеки по духу от здешних обитателей – ранее живущих или настоящих, – неважно. Чьей-то энергии едва хватает на маленькую квартирку, а кто-то может заполнить собою несколько этажей. Поселить в них тишину летнего отдыха, отдалённые отзвуки улицы и лёгкий запах сырой земли в цветочных горшках. Но когда в помещении поселяется смерть, и не простая, а со страданием, она неведомым образом заволакивает всё вокруг своей липкой паутиной, прет воздух и плесневеет земля в горшках, и словно расстилается по полу дымка её мертвенных щупалец. Именно это почувствовали ребята, войдя в заднего входа на лестницу, хотя комната сторожа и он сам были в другом крыле. Тепло обдало их холодом, и в воздухе кроме пыли читались явные нотки разложения. Но ведь прошли всего сутки!

– Что ж так воняет-то, – заметил Белка, сморщив нос.

– Просто он ещё заживо сгнил наполовину, – попытался отшутиться Павел, но от своих же собственных слов ему сдавило грудь, и последние слова он почти проглотил.

Вечер был жаркий и томный. Серые тучи заволокли небо-

свод, предоставив жителям вариться в асфальтно-кирпичном мареве города. Ни ветерка, ни капли дождя. Душная, сухая неподвижность, придавливающая к земле. Бетонные стены школы прогрелись, и температура внутри была ещё больше. Шагнув в коридор первого этажа, ребят знобило, хотя они покрылись потом. Ощущение было не из приятных. Стараясь взять себя в руки, Павел откровенно не понимал, в чём дело: по объективным причинам ведь бояться нечего!

Перед ними простирался тёмный коридор со слабым отблеском от гардеробных окон в конце, за стеклянными дверьми.

– Может, зажечь свет? – не выдержал Хомяк.

– А увидят с улицы? – отозвался Белка.

– Но Георгий Афанасьевич ведь мог бы зажечь свет...

В памяти Павла всплыла вчерашняя встреча с завхозом поздно вечером. И какого лешего он здесь шатается? А вдруг опять припрётся на площадку? *А вдруг... решит проверить...*

– Давайте зажжём всё-таки, – согласился он и поискал выключатель.

На всём протяжении левой стены коридора были ниши, оформленные под своеобразные витрины – в них выставляли разные детские поделки. Картонные замки, фигурки из папье-маше, человечков из желудей и спичек, аппликации и прочую ерунду, которую Павел никогда не разглядывал и уж тем более не делал, даже когда задавали. Щёлкнул выключатель.

читель, и витрины озарились белым светом. Основной свет включался с другого конца коридора.

– Вполне достаточно и этого, – сказал Павел; коридор заполнился мягким рассеянным белым светом из витрин.

Впрочем, был среди незамысловатых экспонатов один более-менее интересный экземпляр, изготовленный старшеклассниками пару лет назад – голова профессора Доуэля из папье-маше, которую убрали на самую верхнюю полку чтобы не пугать младшие классы. Этот раз лампа над ней, как ни странно, не горела. Не то чтобы Павел обратил на это большое внимание, но за все годы в школе он впервые, хотя и боковым зрением, присматривался к содержимому витрин, и пока больше всего ему понравилась витрина с кубками школы – она выглядела самой безобидной. Приближались стеклянные двери, а за ними ждал гардероб.

6

Запах разложения здесь был сильнее; Белка совсем сморщился, а Хомяк закрыл нос платком с вышитой буквой «С». Жорж неподвижно висел на кушаке, улыбаясь маской кота Леопольда. Сторож же представлял собой плачевное зрелище. Хруст, который слышал вчера Белка, отбиваясь от него, как оказалось был хрустом очков, которые он проломил пяткой и втоптал в лицо несчастному сторожу. Георгий Афанасьевич лежал на боку, и рядом с лицом была маленькая тёмная лужица. Мухи летали в необозримом количестве и покрывали лужицу плотным, шевелящимся ковром. Из-за жары разложение шло очень быстро.

Как-то раз Пашка с такими же обалдуями, как и он, нашли в подвале труп бомжа. Он был скукоженный и явно лежал там давно. Тогда он не испытал страха, только отвращение; и честно говоря ожидал, что и сейчас будет нечто похожее. Однако бурление в желудке и попытки последнего вырваться наружу, а так же прилипшая к спине мокрая футболка говорили об обратном.

– Мы должны оттащить его к нему в комнату, – сказал он по возможности смело, но вышло не очень.

– Я не дотронусь до него! – пропищал Хомяк, а Белка добавил:

– Меня сейчас вырвет!

– Без разговоров!

Желая сам как можно скорее покончить с этим, Пашка первый шагнул вперёд. Взял сторожа за ноги – те с хрустом выпрямились.

– Ну и гадость! – заметили его напарники.

– Помогайте! Чего встали?

Георгий Афанасьевич оказался на удивление тяжёлым. А может, он просто прилип к полу? Под ним уже было влажное пятно. Втроём они кое-как втащили его в каморку, но положить его на тахту было задачей непосильной – для этого ведь требовалось, как минимум, взять его за подмышки и поднять. Одному Павлу это было не сделать, а на напарников надежды не было.

– Развернём его вдоль тахты, – скомандовал Пашка. – И накроем покрывалом. Получится, будто ему стало плохо, он хотел встать и упал.

Так и сделали. Георгий Афанасьевич прислонился головой к стене, ногами же упёрся в тумбочку. И был накрыт залёженным покрывалом с тахты. Причём с головой.

– Его же будет видно в окно! – заметил Белка.

– Молодец, правильно мыслишь! Закрой плотно шторы.

Пыльные шторы на окне были плотно задвинуты.

– И включи телевизор! Семён!

– Почему я?

– Потому что ты его и выключал.

– Это чтобы там типа твои отпечатки остались, – подска-

зал Белка, чем заработал осуждающий взгляд Павла.

– Нет! Почему мои? Я... не буду!

– Успокойся ты...

Пашка отобрал у него платок и через него нажал на кнопку телевизора.

– Никаких отпечатков здесь нет. Да и вообще, причём тут отпечатки? Никому и в голову не придёт их искать. Сторож умер естественной смертью. А по сути, так и было. Верно?

Ребята молча кивнули головой, но Белка заметил:

– А очки? Увидят же, что они сломаны... и покрывало на голове...

– Слушай ты, доктор Ватсон! Очкуюсь – так и скажи. Всё, теперь осталось висельника снять!

Вопрос остался открытым, но Белка решил не испытывать Пашкиного терпения. Покинув зловонную каморку, они с облегчением закрыли туда дверь, не забыв перед этим прихватить ключи. И заперли дверь на ключ, не подумав, что с внутренней стороны нет замочной скважины, а только простая защёлка, и сторож сам никак не смог бы закрыться изнутри на замок. Вместе с дверью будто ушёл и страх – остался там, внутри. О недавнем неприятном занятии напоминали только несколько мух да тёмное пятно на полу, и влажная дорожка – в каморку. Но она, по представлениям Павла, должна была скоро высохнуть, а пятно можно было оттереть. Они сняли Жоржа и отнесли его обратно в театральный кружок, не удосужившись, правда, вернуть кушак платью Джу-

льетты, и теперь осталось лишь навести небольшую уборку в гардеробе. За окнами уже стемнело, но свет они включать побоялись. Мыть пол же было поручено Денису.

– Почему мне?

– Хомяк свою часть задания сделал вчера.

– Почему же тогда я до сих пор Хомяк? – возмутился тот.

– Потому что ты похож на хомяка.

Кладовка скрывалась за первой дверью от гардероба, в том же коридоре. Подобрал ключ, ребята распахнули её и нашарили выключатель. В нос ударил едкий запах моющих средств, а тусклая лампочка осветила полки с разными бутылками, флаконами и тому подобным. Запах разложения добрался и сюда – каморку сторожа соединяла с кладовкой и вентиляционным каналом решётчатое окошко под потолком, и оттуда доносились радостные звуки какой-то телепередачи. Кладовка была забита доверху.

– Ни фиги себе! – вырвалось у Хомяка при зрелище этого царства чистоты и химии.

Лицо Павла скривилось в довольной ухмылке:

– А вот и первый бонус. Тем, кто его заслужил!

С верхней полки он достал упаковки туалетной бумаги «Зева-плюс», в которых было по четыре рулона, и такие же упаковки с бумажными полотенцами. Хомяк с восхищением рассматривал нарисованные на рулоне перья:

– Это кому же такую дают?

– Только директорской заднице, – пояснил Павел, обсле-

дуя другие полки.

– Прямо из рекламы! – радовался Белка, прижимая упаковку к носу и наслаждаясь запахом ароматизаторов. – Мягкая, как пёрышко!

– Никогда её не видел в туалетах...

– Её наверно директорша домой уносит!

– Ну да, а нам оставляет тонкую и рвущуюся...

– Подтирать свой толстый зад!

– Кое-кто, кажется, забыл про ведро, – напомнил Павел, пнув ногой одно из вёдер. – Вот тебе и швабра новая, и перчатки. И «мистер Проктер».

Все необходимые причиндалы были вручены Денису. Тот со вздохом натянул резиновые перчатки, которые были ему сильно велики, и пошёл за водой в ближайший туалет.

– Э, да из тебя выйдет классная уборщица! – кинул вслед Пашка.

– Точно-точно, ты нашёл своё призвание!

– Да пошли вы...

Кровь загустела и успела вьесться в пол; оттереть её оказалось не так уж легко. Кроме швабры потребовалась щётка, и Денис на коленях усердно тёр гранитную плитку под шутки ребят.

– Может, тебе халат дать? Тогда сходство будет один в один!

– Не, ему надо платок, как у нашей Матрёны!

– И старые стоптанные тапки!

Красное пятно размазывалось, а «мистер Проктер» не давал обещанного результата. Оставив кладовку открытой и сложив у её дверей трофеи, Павел с Семёном разглядывали витрины в коридоре. От страха не осталось и следа, точно они не человека спрятали, а выкинули в окно трупик голубя.

– Смотри, это мой зámок! Это поделка из природных материалов. Я делал его из мха, листьев, глины и маленьких веточек. На это ушло много времени, но Мария Михайловна меня очень хвалила... – рассказывал Семён, но Пашка не слушал его. Его больше привлекла голова профессора Доуэля, у которой почему-то не работала подсветка, хотя была сделана очень хорошо – одна лампочка освещала её сверху, другие две – слева и справа, бросая на лицо таинственные тени и причудливо поблёскивая в самых настоящих очках, водружённых на её бумажный нос. Очки были точно как у сторожа; Паша даже решил, что наверно у него и взяли какие-нибудь старые. Он долго всматривался в нарисованные глаза – синие зрачки на голубоватом глазном яблоке – как вдруг ощутил, точно в мозг вбили маленький гвоздик.

Неприятный импульс пробежал по всему телу. А в очках возник странный отблеск. Силой оторвав взгляд, Павел решил, что пора закругляться.

– А вот солдатики, наш класс их делал ко Дню Защитника Отечества, – вещал Хомяк, но как в тумане.

– Эй, уборщица! Ты как там? – Пашка пошёл в направлении гардероба, но услышал позади гулкий щелчок – и

невнятный ответ Белки растворился в эхе.

Маленький гвоздик точно вбили глубже. Вздвогнув, Пашка обернулся – но вместе с облегчением последовал ещё более сильный испуг.

– Твою мать... чёртовы ключи! – донеслось из противоположного холла, и Павел узнал в затуманенном алкоголем голосе завхоза. Всё же он припёрся!

Хомяк, совершенно растерявшись, так и стоял у витрины раскрыв рот. Схватив его за локоть, Пашка стремглав затащил его в туалет, а Белке только и успел крикнуть, чтобы тот сваливал поскорей. Но куда?

Дверь в туалет закрылась, и в тот же момент в конце коридора, за стеклянными створками возникло красноватое лицо Николая Петровича с нечётким взором.

– *Это учительский туалет, здесь нельзя находиться!* – раздался над ухом грозный голос Аллы Эдуардовны. Среди школьных учителей она слыла самой строгой и злой. На её уроках математики всегда царили полнейшие тишина и порядок, а носила она всегда серый брючный костюм грубой ткани и звание «самая дисциплинированная». – *Ты слышал, или нет?* – повторила она; Павел, видимо, должен был с извинениями броситься вон. Но он лишь наградил её пренебрежительным взглядом через зеркало и очередной раз сплюнул в раковину, наблюдая, как вода увлекает в воронку капли кровавой слюны вперемешку с соплями. В голове до сих пор гудело. Лёгкий запах перегара с терпкими духами Аллы Эдуардовны немного оживил его.

Своеобразный предбанник с раковинами от помещения с туалетными кабинами в этом туалете отделяла дверь, закрывающаяся изнутри на защёлку. Здесь всегда лежало мыло у раковины, не воняло хлоркой и были бумажные полотенца, но пахивало сигаретами – очевидно, некоторые учителя курили в туалете. Среди них была и Алла Эдуардовна. Но никто и никогда на уроках или в школьных коридорах не мог бы заподозрить, что её тонкие, всегда строгие губы периодически сжимают сигарету.

– Кто это сделал? – она стояла чуть позади него и смотрела

на него через зеркало.

– Неважно, – выплюнул Пашка. Весь её образ говорил о том, что курит она «Беломор».

– Опять из десятого «Б»? Ну я им устрою, – сказала Алла Эдуардовна безвкусно.

– Не нужно никому ничего устраивать! – резко обернулся он, положив сзади ладони на край раковины.

Алла Эдуардовна беспристрастно посмотрела на его красно-синий нос и верхнюю губу, изменившие свои размеры. По её тонким губам скользнула тень ухмылки.

– Пойдём, я отведу тебя в медпункт.

– Я не пойду!

– Тогда иди домой.

– Туда я тоже не пойду! У меня ещё биология. – Не выдерживая её пронизывающего взгляда серых, как костюм, глаз, Павел смотрел в пол. Мало кто его выдерживал.

В серых глазах отразилась ухмылка, которую Павел ощутил в воздухе, как невидимый импульс.

– Долго ты будешь это продолжать?

– Сколько потребуется, – ответил он совсем глухо.

Тогда она полезла в карман пиджака, достала оттуда пачку сигарет – это оказался не «Беломор», но тоже весьма дешёвое и простое курево, – и протянула ему одну.

– Зажигалка на подоконнике.

Он и так знал, где зажигалка. Затем она вышка – как всегда, уверенно и непринуждённо, точно дала ему методичку

по математике...

– Паша! Паш! – взволнованный шёпот Хомяка выбил его из воспоминаний. – Паш, он идёт! Нам конец!

Николай Петрович распахнул двери в коридор и уставился на освещённые витрины. Это обстоятельство явно поразило его.

– Чёрт, совсем, что ли, спятил, старый? – прогнусавил он и неустойчиво двинулся через коридор. Ребята за дверью туалета могли только слышать его шаги.

– Блин, это конец! Всё, нам конец! – Хомяк прижался к стене, на лице его была полнейшая паника.

– Если ты не заткнёшься, я сейчас вытолкну тебя в коридор, – пригрозил Пашка; ему было не до шуток. Семён зажал рот ладонями.

Открытая кладовка и приготовленные на вынос трофеи, сложенные у её двери, удивили завхоза ещё больше.

– Афанасич! Ты здесь? – крикнул он, дойдя до кладовой и подозрительно глядя в тёмный холл и гардероб. Звук работавшего в каморке телевизора доносился сюда еле-еле. – Дрыхнет, наверное, старый хрыщ, – подытожил завхоз. – Ну и ладно.

Из туалетной двери, находившейся почти напротив, Пашка смотрел на него через замочную скважину. Только бы он не пошёл к сторожу, только бы не к нему!

Завхоз извлёк из кармана широких клетчатых шорт боль-

шой прочный пакет и отправился в кладовку.

– Та-ак, чувствую, не мы одни в эту кладовку заглядываем, – шепнул Пашка.

– Где Денис? Что с ним? – проскулил Хомяк.

– Наверно, мозгов хватило спрятаться. У него там пространства побольше: если на лестницу успел, то можно на любой этаж... лишь бы этот туда не зарулил.

Из кладовки слышался шорох, а вскоре донёлся нетрезвый развесёлый возглас:

– Афанасич! У тебя крыса сдохла! Проснись, старый пень... провоняешь...

После этого Николай Петрович вышел оттуда с полным пакетом чего-то. Сверху выглядывало горлышко «Туалетного утёнка». Сложенные у двери упаковки туалетной бумаги явно смущали его больше, чем свет в витринах.

– Афанасич! – прокричал он громче. В ответ вдруг умолк телевизор. Теперь пришла Пашкина очередь удивляться. А Николай Петрович озадаченно повернул голову в сторону холла.

– Чёрт, нельзя ему идти туда! – Пашка лихорадочно сообщал, как быть.

– А Денис? Где Денис?

– Если он Дениса найдёт, это пол беды...

Николай Петрович тем временем поставил пакет на пол, подошёл к дверям и заглянул в тёмный холл. И ещё раз позвал сторожа.

Осмотрев предбанник туалета, Пашка увидел кусок мыла на раковине. Оно высохло и даже треснуло вдоль. Нужно ни в коем случае не пустить завхоза в гардероб! Телевизор, на счастье, снова заработал – наверно, был какой-то сбой в сигнале. А Павел, пока завхоз пялился в холл, приоткрыл дверь туалета, высунулся и что было силы швырнул кусок мыла, предварительно намочив его (в этом туалете воду не отключали) в противоположный конец коридора. То долетело до самого конца, проскользив по полу и ударившись о двери.

– Афанасич, это ты? – завхоз обернулся на шум и пошёл туда. Едва он миновал половину пути, Павел приказал:

– Сейчас через второй этаж быстро бежим к выходу. Мы должны успеть вперёд него.

– А Денис?

– По пути заберём, он же где-то там!

Перепуганный Денис прятался на лестнице. На счастье, стёкла в дверях, отделяющих холл и гардероб от коридора, были только до середины. Услышав призыв Пашки сваливать, а затем увидев и завхоза, он на четвереньках прошмыгнул ниже стёкол на лестницу и сидел там ни жив ни мёртв, когда ребята окликнули его.

Со всех ног неслись они через второй этаж в левое крыло, от которого был ключ у них и через которое вошёл завхоз. Среди ключей, что прихватили они у сторожа, наверно был ключ и от другого чёрного выхода, да и от центральных тоже, но искать их сейчас в темноте совершенно не было вре-

мени! Через две ступеньки слетели они по лестнице (Хомяк при этом конечно же упал и потерял очки) и выбежали на улицу. Видел их Николай Петрович или нет, они не поняли. Но совершенно определённо он слышал топот.

– Валите! Живо домой! – распорядился Павел.

– Очки! Мои очки! – заныл Хомяк.

– Потом! Сэм, потом! – Белка увлёк его за собой, а Павел подобрал с земли камень и что было силы швырнул его о железную дверь чёрного входа. Та загудела и зазвенела, и отворилась через пару секунд, выпуская пьяного завхоза с рёвом негодования. Теперь Пашка надеялся только на ноги, которые обычно не подводили.

– Ах ты, ублюдок! – Рывкнул Никоалй Петрович и ринулся за ним.

– Догони!

Павел намеренно побежал в сторону его дома. Сзади сыпались ругательства и плюхали тяжёлые шаги, а в ушах свистел ветер, да разбивались об лицо неповоротливые мошки – Пашка бежал далеко не со всей возможной скоростью.

Завхоз жил рядом и, как и думал Пашка, совсем скоро выдохся. Животик и опьянение быстро потушили вспышку гнева, и он с ругательствами повалился на скамейку рядом со своим домом.

– Только попадись мне! – Крикнул он вслед, грозя кулаком пустынному двору. – А, чёрт с тобой...

Тяжело дыша и весь красный, Николай Петрович раски-

нулся на скамейке. Со спортом он не дружил, и вечерняя пробежка далась нелегко. Да и алкоголь дал о себе знать – сердце колотилось, как бешеное, в глазах бродили точки, а лицо стало похоже на огромный помидор, какие в магазинах называются «розовыми» и стоят дороже остальных. Через пятнадцать минут он попытался подняться, но крякнув вновь оказался на скамье, просидев ещё столько же. Затем кое-как добрёл до подъезда и скрылся. Как и рассчитывал Пашка, спрятавшийся неподалёку, обратно в школу Николай Петрович не пошёл. Однако мог это сделать утром, и следы преступления требовалось убрать.

Снова в кармане мятые сто рублей. Павел был рад, что ему не нужно сейчас возвращаться домой.

Интересно, вспомнила ли о нём бабка? Вряд ли, учитывая, что скорее всего она дрыхнет на столе. Совсем себя распустила, а ей ведь чуть больше полтинника... и он, Павел, и его мать Настя были ранними и, очевидно, не очень желанными детьми. Квартиру им в своё время дали при расселении коммуналки, и тут уж баба Лёля, как её все называли, а вернее Ольга пошла в полный разгул, постепенно спиваясь и деградируя, и уча тому же и дочь. Пашка удивлялся, как отец ещё от них не ушёл; он-то как ни странно пил меньше всего, хотя тоже бывало, но помимо был ещё жутким лентяем и ничего-не-делание-на-диване полностью удовлетворяло его жизненные интересы, и занятию этому не мешали бесконечные пьянки на кухне. Впрочем, он даже иногда их лени-

во сдерживал и выставлял из дома непрошенных гостей, нарушавших тишину. Но о ребёнке что он, что Настя – заботились мало. Пашке казалось, что если бы его забрали в интернат, его семье жилось бы проще. Но только он сам совершенно туда не стремился.

Этим утром он сквозь сон слышал чьи-то малоадекватные голоса, а затем ощутил на себе вонючее, перегарное тело, совершавшее странные недвусмысленные конвульсии. Сбросив его кое-как, он попытался встать, но размякшие за время сна мышцы не слушались, и его тут же припечатал к подушке чей-то кулак. В глазах возникли звёздочки, а крик бабы Лёли вдруг стал как из-под воды... «Лёша, сука! Отойди!» – вопила она, но хорошо знакомый Пашке дебошир Лёша вряд ли воспринимал её речь. Хуже всего было то, что иногда мозги Лёши полностью отключались, и мотив его действий как и обоснование их лишались всякой логики. Пока бабка удерживала своего буйного дружка, Пашка смог подняться, пару раз вмазать ему в живот и толкнуть, так что тот полетел на пол и треснулся затылком о прикрытый тонким линолеумом бетон. Бабка тут же накинулась на него со словами «ты что наделал?!», Лёшка же обняв руками голову корчился на полу. Пашка пожалел, что он шмякнулся не замертво. Дикая злость охватила его, и только сила врождённого благоразумия – видимо, всё же она до сих пор уберегала его от превращения в полноценного члена своей семейки – заставила толкнуть бабку на свою тахту, а не на пол. Та повали-

лась, разбросав тощие ноги; распахнулся драный халат. Пашка схватил одежду и выбежал на улицу, одеваясь на ходу.

Мятые сто рублей в кармане... бабка иногда давала ему деньги, когда он сам требовал и когда они были. В общем-то она была не жадной и частенько, от всей души предлагала ему угоститься объедками со стола, но чаще всего Пашка брезговал и предпочитал пусть и гавённую, но целую упаковку чипсов. Но чаще деньги давал только отец, из молчаливого сострадания.

Голод и пережитый стресс напоминал о себе; ему захотелось есть. Зайдя в тот же ларёк «24 часа», он взял сок и лаваш, и уплёл их тут же, сев рядом на скамейку. Дневная жара отступила с наступлением ночи, духота стала менее гнетущей. По пустым дворам побежал лёгкий ветерок. На лице Пашка чувствовал застывшую корку пота и городской пыли, даже глаза слегка щипало. Сейчас бы в душ! Но его тошнило при воспоминании о ванной комнате в их квартире, об отслоившейся на потолке краске, о чёрных швах кафельной плитки противного светло-синего цвета и о ржавчине в ванне, куда было страшно ступать... откуда в нём это отторжение такого привычного, ведь он вырос в этом?

Гулким эхом в небе отозвался раскат грома. Где-то далеко, на подступах к городу, словно неясные залпы орудий неприятеля, с моря надвигался шторм, стирая солнечное тепло как ластик линии карандаша на бумаге. Как изменчива природа! Кажется, нет спасения от изнуряющей жары и

вездесущих солнечных бликов, но вот начинается дождь, и через пару минут уже вода, вода повсюду!

В школе нужно прибраться. Следы преступления оставлять не полагается, так делают только трусы! Покончив с лавашем, он пошёл обратно. И остановился у калитки – мрачное тёмное здание, без проблеска света внутри, заставило вздыбиться все волоски на его теле. *Что за чушь!* Там же никого нет, кроме мёртвого сторожа и мух. Он не верил во всё это, *он уже взрослый*. Преодолев страх, Павел толкнул калитку, и сонный воздух взрезало скрипом петель.

Коридор первого этажа также освещала подсветка витрин. Было тихо и пусто, если не считать едва слышимое шипение телевизора – видимо, в вещании был перерыв до утра. Убедившись, что всё в порядке и его страх не более чем отзвук детской впечатлительности, Павел начал действовать. Белка почти домыл пол, от красного пятна остались незначительные разводы. Через пару дней они станут совсем незаметны, слившись с серостью гранитной плитки. Павел убрал щётку, швабру и ведро обратно в кладовку, навёл там относительный порядок, изредка косясь на вентиляционную решётку; а приготовленный Николаем Петровичем пакет отнёс ко входу, надеясь, что если он и придёт за ним, то увидев его у двери не пойдёт дальше. Это было последней надеждой, иначе – всё пропало! Ещё Пашка уповал на опьянение завхоза и рассчитывал, что он половину не вспомнит. Но ведь это как знать – кто-то ни черта не помнит, наклюкавшись, а

у кого-то наоборот – умственные способности обостряются! И почему он не сваливает? Ни раз же говорил, что только и ждёт окончания работ, чтобы свалить на дачу, «отдохнуть от них хоть месяцок!».

Припухшая, чуть посеревшая правая скула, куда он утром получил кулаком; большой нос картошкой, чуть выющиеся короткие почти чёрные волосы. Вряд ли его можно было назвать красавцем. У некоторых бывает плоское лицо, у него же – слишком выпуклое, нос далеко выдаётся вперёд, а скулы и края глаз как будто слишком позади, из-за чего физиономия всегда кажется хитрой, а взгляд – всегда насмешливым и исподтишка. Из-за этого взгляда его недолюбливали, некоторые считали высокомерным и себе на уме; попросту не знали, что от него ожидать, а в таких случаях всегда ожидаешь худшего. Плюс частые тёмные отметины на лице и особенно на костяшках пальцев не говорили о добропорядочности... глядя на себя в зеркало в учительском туалете, покончив с уборкой, Пашка глубоко вздохнул, включил воду и умылся.

Всё же он устал. Хотелось спать. Возвращаться в гнилую дыру, именуемую домом? Он бы пошёл в спортзал и уснул бы на мате... возможность так поступать была одной из предпосылок выкрасть ключи. Но теперь, когда неподалёку отдыхал малоприятный сосед, желание спать здесь совершенно отпало. Всё-таки Пашка предпочёл бы, чтобы сторож был жив – в спортзале не было цветов, и он бы вряд ли туда сунулся. Хорошо хоть этих малявок он разогнал по домам! Разболта-

ют ли они? Как бы хотелось ему всё сейчас забыть и никогда больше сюда не возвращаться, никогда! Ни в дом, ни в школу!

Было ли его обычное поведение отражением истинного его характера? Нет, не более чем попыткой мимолётным весельем затмить пустоту, постепенно пожирающую его цепкими лапами безысходности – а именно безысходность он видел впереди, и ничего другого. Потому как быть прилежным мальчиком без будущего – гораздо скучнее, нежели не оправдывать надежд преподавателей ровно столько же, сколько не оправдывать своих собственных надежд на себя. По-вашему, прилежность равна гарантии светлого пути? Как бы не так! Он смеялся, думая об этом; смеялся горько и надрывно, и всегда про себя. Возможно, уверенность такую ему внушили обстоятельства, которые никогда не показывали ничего светлого и лёгкого.

Сколько ещё кулаков встретит это лицо, которое, тем не менее, некоторые считали симпатичным! Катька из 10 «В», Анжелка из соседней 516-й школы, Любка оттуда же – как и он, изгой, замещавшие телом проблески сознания. Как же всё это гадко, гадко и горько! К своим пятнадцати годам он успел попробовать много чего, и всё это ему большей частью не понравилось. Это замещало гадкую действительность, однако не могло делать это вечно.

– Это учительский туалет, здесь нельзя находиться!

Он вздрогнул – резко и всем телом, очень неприят-

но, словно перед сном, уже проваливаясь, ты просыпаешься от внезапного сокращения всех мышц разом, и всё тело несколько секунд обездвижено. Голос прозвучал словно внутри головы. В раковине журчала вода, рядом с краном лежало мыло. Но он не помнил, чтобы подбирал его в коридоре! Пахло ядрёным табаком и терпкими духами. Он стоял, опёршись на края раковины руками корявыми, с синими венами и жёлтыми кривыми ногтями... это же не его руки!

Пашка поднял голову, и из зеркала на него глянуло перекошенное предсмертной судорогой лицо сторожа в разбитых очках.

Откинуло ли его назад неведомой силой, или тело так быстро среагировало – он не понял. Он слышал только треск – тоже внутри головы, и был ли это треск его собственно го черепа или кафельной плитки, о которую он приложился, тоже осталось загадкой. В глазах потемнело, и он сполз по стене на пол.

8

«В средней школе обнаружили иссохший труп ученика девятого класса»

– Ничего себе! Интересно, а сторожа они нашли?

– Он стал зомби! Он зомби и теперь убьёт и нас тоже!

– Сэм, не неси чушь! Зомби не бывает.

– А где тогда он? Почему про него не написали?

– Может, нельзя про него писать...

– Нет! Его, наверно, не нашли... он до сих пор там! Как теперь ходить в школу?

– Это жёлтая пресса, не стоит ей верить!

И Денис выбросил газету «Метро» в урну рядом со скамейкой. Они с Семёном сидели на детской площадке, где некогда поджидал их Павел. Был конец августа, и летнее тепло осталось далеко в прошлом. Семён поёжился в своей ветровке, и помолчав чуть-чуть, вытащил газету обратно.

– А что ещё пишут? Ты не дочитал.

– Ты же сам не хотел читать!

– Давай всё же глянем...

«В средней школе №587 в туалете был обнаружен труп ученика девятого класса. По предварительным данным, тело пролежало там не меньше месяца. Обстоятельства и

причины смерти уточняются следствием».

Такая коротенькая заметка красовалась на пятой странице.

– А фотография где? – спросил Хомяк.

– Прямо тебе, разместят тут фотку! Это – материалы следствия, они секретные! Хорошо хоть так написали...

Семён о чём-то напряжённо думал.

– Кто же его убил?

– Почему ты думаешь, что его убили?

– А как? Он что, старый дед, сам что ли помер?

– *Эй, вы про кого там?*

Ребята подняли головы, и на лица их легла серая тень, а глаза расширились... с криком они бросились в разные стороны, выронив газету.

– *Эй, куда вы?* – кричал Пашка, но тело с трудом его слушалось; он не мог их догнать. Прележав месяц в туалете, оно иссохло и превратилось в мумию.

Вода журчала, и мёртвый белый свет неприятно скользил по голубоватому кафелю. Он ощутил под собой мерзкий холодный пол, пропитанный насквозь запахом хлорки, и всё тело будто скукожилось; захотелось скорее встать. Как он ненавидел этот плиточный пол!

В зеркале над раковиной он разглядел снизу только край стены и потолок. А поднявшись, увидел перепуганного под-

ростка с серым лицом, чему, как он решил, способствовал этот холодный свет – всё вокруг он делал мёртвым. От долго включённой воды воздух наполнился запахом водопровода, как бывало в туалетах с неисправным бочком, где вода лилась постоянно. Сколько же он провалялся тут? Он посмотрел на стену позади – всё-таки приложился он неслабо: об этом напомнила красноватое пятно на кафеле и здоровенная шишка на затылке. Однако он порадовался, что хоть кровью всё здесь не замазал.

Утомлённое сознание – рассадник дурных мыслей. Утрачивая ясность ума, словно теряешь иммунитет, и так же как вирусы в ослабленный организм, начинают пробираться в него всякая нечисть, возникая то тут, то там маленькими галлюцинациями – как начинающаяся болезнь заявляет о себе лёгкими симптомами, на которые не обращаешь внимания. Но которые, без должного лечения, становятся всё более заметны.

У человека существует своеобразный иммунитет действительности. Когда мозг занят чем-то и не утомлён, ему не страшны кошмары. Но стоит этому иммунитету ослабнуть – сознание превращается в хаос самого различного наполнения, дурные и хорошие образы перемешиваются, порождая чудовищные картинки, из чего следует, что некий запредельный человеку мир всё же есть, но мы ограждены от него природой. На восприимчивость влияют как врождённые способности, и тогда люди склонны называть себя экстрасенсами,

так и внешние, как правило неблагоприятные факторы, и тогда спасение ищешь в антидепрессантах и походах к психиатру. Но там его не найти; единственная защита – благоприятная эмоциональная среда, гармония с собой и окружением; к этому и нужно стремиться.

В школе было тихо; ни звука не доносилось извне. В холлах было темно, но лёгкие проблески рассвета начинали пробиваться сквозь окна. Однако голова Пашкина гудела. От своеобразного отдыха на полу туалета он устал ещё больше, и рассеянный свет витрин в коридоре показался ему волнистым, точно состоял из какого-то эфира и растекался колеблющимися зигзагами. Забрав связку ключей, что торчала из двери кладовой, он побрёл к выходу, совершенно не представляя, куда ему идти дальше. Хотелось одного – лечь и заснуть, можно даже прямо здесь, на полу.

Полка с головой профессора Доуэля на сей раз оказалась освещена. Присмотревшись, Павел уловил неясные, но знакомые очертания бумажного лица... и разбитые очки. Нет, это всё усталость и ушибленный рассудок! Бежать он не мог, но постарался миновать коридор побыстрее и выключить несчастную подсветку. В нём даже не возникло страха – лишь отвращение и странная безразличность к происходящему. Промелькнула мысль нарочно пойти и открыть камеру сторожа, и будь что будет... разумеется, ничего бы не было, мертвецы ведь не ходят! Но рациональная часть разума подсказала ему не делать этого.

Рядом с другим гардеробом была точно такая же каморка, но обитала там только гардеробщица во время работы школы. В школе у неё было прозвище Матрёна – невысокого роста, с большим задом, хотя и не толстая, с ногами разной длины и всегда в стоптанных тапках. Ребята прикалывались и над ней тоже, выводя её из себя, от чего она краснела и имела особенность хвататься за швабру и пытаться догнать их, поскольку интеллектом не отличалась. Но веселее всего было пугать её и обращать в бегство, заставив бросить швабру. Ни раз им хорошенько за это попадало, учитывая, что кабинет директора был тут же на первом этаже, но ведь всё запретное всегда является самым притягательным! Кроме того, у Галины Алексеевны как у истинного школьного директора не было времени заниматься воспитанием молодёжи, чаще всего она просто отсутствовала. Вход рядом с этим гардеробом не действовал – после внедрения пропускного режима с целью экономии на охраннике оставили только один вход, с другой стороны, где и сидел охранник, а потому и оказывалось, что защитить бедную Матрёну было некому. В школе держали её из милости, она была взята сюда по программе трудоустройства инвалидов, поскольку школа являлась государственным учреждением; а ещё считали, что она родственница Гули Ахмедовны, что подтверждалось некрасивостью обеих, но никак ни какими-то конкретными данными.

Подобрав ключ, Павел открыл эту каморку и повалился на

диван, не обратив внимания на запах пыли и старого тряпья, и мигом вырубился. А тапки гардеробщицы были отброшены подальше в угол.

Белка, он же Белый, он же Денис – чрезмерно подвижный мальчик двенадцати лет, неуправляемый и упрямый, за что и получил прозвище – его сравнивали с белкой из мультфильмов про ледниковый период, которая на протяжении всей истории неутомимо преследовала свой орех и никак не могла его поймать; второму же званию он был обязан светлыми волосами, всегда торчавшими ёршиком, хотя они имели цвет скорее русый, нежели могли удостоить своего обладателя зваться блондином. Из чего следовало, что Белым он стал от Белки, а вовсе не от цвета волос. Лицо его тоже было неугомонное: такое же подвижное, с юрким, метким взором, маленьким аккуратным носом и ровным лбом, с острым подбородком и начинающими выразительно выдаваться скулами, из чего в дальнейшем должен был получиться весьма симпатичный молодой человек.

В классе однако и тем более в школе он ничем особым знаменит не был; считался среднячком по успеваемости и по поведению, и несмотря на всю его непоседливость замечание красной ручкой в дневнике за слишком активное времяпровождение на перемене или что-то вроде «подпрыгивал на стуле во время урока» было самым негативным, что он мог принести из школы домой и на что его мама, вечно занятая

бизнес-леди среднего звена, внимания не обращала. В конфликты он не ввязывался, в драках не участвовал, пыл его остывал так же быстро, как и вспыхивал; контрольные писал с горем пополам; и однажды только вместе с двумя или тремя одноклассниками запер Зину из 6 «В» в мальчиковом туалете для старших классов, которая и так огребала немало благодаря своему имени и которую грех было там не запереть, так как была она высокой, неуклюжей и раньше других начала носить бюстгальтер.

В общем, ни чем особо Белка не славился и соответственно не был объектом пристально внимания ни со стороны учителей, ни со стороны подпольных корифеев школы. А вот Хомяку в этом плане повезло больше, хотя он без тени сожаления отдал бы часть незаслуженной популярности кому-нибудь ещё и желательно навсегда. Очкастость, полнота и прилежность в учёбе и быту – не лучшие спутники школьной репутации. В школе не была введена форменная одежда, однако в младших классах его всегда наряжали в строгий костюм с белой рубашкой, жилеткой и, что уж было совсем лишним, бабочкой, при этом делая идеальную стрижку с аккуратными косыми височками, что в итоге обеспечивало ему сходство с Иосифом Кобзоном. Он был настоящим оплотом прилежности и благоразумия, хотя может и сам того не желал; образцом поведения, про которого всегда говорили «а вы вот посмотрите на него!»; и хотя учился он не на круглые пятёрки да и читал не очень, внешний вид всегда работал в пользу

успеваемости, и не исключено, что это было хитрым расчётом родителей.

Так продолжалось бы и дальше, но взрослея Семён как-никак начинал проявлять характер, и перейдя в среднюю школу распрощался с жилеткой и бабочкой, ограничившись брюками и рубашкой, вкусно обтягивающей небольшое брюшко и часто мокрой в подмышках, если его гоняли на переменах. Постепенно, но очень медленно, он переставал быть любимцем учителей и приобщался к жизни сверстников, но до избавления от насмешек его долговязой фигуре было далеко, а потому он всегда старался остаться в классе на переменах, если это позволялось, а в туалет так и вообще не ходил, неся всё домой и порою подвергая мочевой пузырь нешуточным испытаниям на вместимость. Потому и Пашка обратил на него больше внимания, ведь Семён в некотором плане был личностью выдающейся, и не только пузом; Белка же был ему почти незнаком, и, проваливаясь в сон в пыльном закутке гардеробщицы, в отдалённом пространстве его сознания кометой пронеслась мыслишка о том, что же ему делать с этими двумя обалдуями. Пронеслась и растворилась в бесконечном космосе мыслей. А Белка и Хомяк, хотя и спали в тот час раннего утра, но одновременно вздрогнули во сне – растревоженное днём воображение не позволило им отдыхать полноценно, наполняя сон неразборчивой ерундой, где самые жуткие образы сочетались с самыми приятными, в итоге давая более чем гадкий результат.

Белка проснулся от дверного щелчка – мама ушла на работу, и он опять остался один на весь день, сам с собой и со своими непоседливыми мыслями. Досуг Хомяка был организован чуть лучше: мама заставила его приступить к заданной на лето литературе, но страницы он переворачивал крайне неохотно – ибо наяву творились вещи, не уступающие мистицизмом незаурядному воображению Гоголя, чьи повести он читал.

Миновал полдень. Наступавшие с вечера тучи только сейчас разразились проливным дождём, и жару смыло, точно её и не было – запахом раскалённого асфальта она паром поднялась в небеса и исчезла за серым куполом облаков. Как хорошо, что люди ещё не научились управлять хотя бы погодой! Грязными лужами стекал с тротуаров песок, на глазах преображалась зелень, а воздух становился чище и прозрачней; поднявшийся ветер загудел в школьной вентиляции, ибо сделала она была, как однажды заметил завхоз, «наспех и с многими нарушениями» – в ветреную погоду всё здание наполнялось воем. Городской смог убежал прочь вместе с потоками воды; и жирная капля, долго набухая на краю светильника и выпукло отразив в себе комнату, наконец сорвалась и разбилась об Пашкин лоб – и от этого он проснулся.

9

Всего одна капля, а ему почудилось, словно его окатили из ковша! Влага приятной прохладой растеклась по лбу, как прикосновение материнских рук одним лишь тактильным контактом снимает жар ребёнку... прикосновение, которого он никогда не ощущал. Откуда она взялась, эта капля, над ним ведь ещё три этажа?

Следом очнулся слух – он наполнил помещение приглушённым шумом дождя. Павел не сразу сообразил, где он. Он сел; потребовалось ещё с минуту, чтобы прийти в себя. Голова всё ещё гудела и была тяжела, точно мозг стал свинцовым, а звуки он слышал как из-под воды – видимо, хорошенько он всё-таки приложился затылком! Звук открываемой двери ворвался в это закупоренное царство звоном ключей. Мигом проснувшись, Пашка высунулся за дверь каморки. В холле копошился завхоз, встряхивая зонт. Опять он здесь!

Интуиция не подвела Павла, когда он вынес пакет с трофеями Николая Петровича ко входу. Увидев на железных креслах в холле этот пакет, завхоз, с минуту колеблясь, прислушиваясь и заглянув в коридор, где свет был погашен, забрал пакет и был таков. Николай Петрович спешил, а вечерний приём горячительных напитков и в особенности погоня напомнили о себе, и он чуть было не проспал поезд. И потому пакет, услужливо приготовленный «сторожем» на вынос,

оказался как нельзя кстати.

«Сообразил, старый хрыч» – чертыхался Николай Петрович, как всегда возясь с ключами. Право, не мог же он отправиться к теще, где его уже поджидала супруга, без должного запаса моющих средств, которыми его вторая матушка, между прочим, пользовалась целый год! Раскрыв зонт, завхоз торопливо засеменял через школьный двор, перебирая пальцами под ручками тяжеленного пакета.

Когда он вышел за калитку и запер её, по обыкновению выругавшись и уронив сначала пакет, а потом зонт, Павел покинул школу и последовал за ним. Зонта у него не было, а потому очень скоро он вымок до нитки и замёрз от этого, хотя похолодало не очень сильно. Недалеко от подъезда Николая Петровича он прождал около получаса; затем подъехало весёлое жёлтое такси, и завхоз погрузился в него вместе с обильными котулями, среди которых был и тот пакет. И такси уехало. Увозя с собой Николая Петровича, а вместе с ним и угрозу непрощеных визитов в школу. Но всё же утомлённый пьянкой ум завхоза был не спокоен: открытая кладовая, свет в витринах, хотя общее освещение коридора включалось как раз рядом с кладовой, а подсветка – с другой стороны, и этот запах... *«Афанасич, у тебя крыса сдохла!»*... и тут его словно током ударило. Он же не видел в кладовой ловушек для крыс! Да и с чего им там быть, там же одна химия!

Но было поздно. Такси уже стояло у вокзала, а поезд – у платформы. Да и свет ведь кто-то выключил, и пакет вы-

нес... а Пашка этот? Наверняка его проделки, а Афанасич дрых и ничего не слышал! Что за мысли странные? Не, пора тебе, пора, дорогой Николай Петрович, в отпуск!

Глядя на жёлтый бампер такси, мелькнувший пару раз среди других машин и скоро скрывшийся совсем, Павел ощутил, как с дождём точно вымывается свинец из головы, и плечи распрямляются, словно с них сняли накидку для рентгена. Но появилось чувство голода – такое, что его чуть не согнуло пополам. Прохожие уже начали на него оглядываться: промокший насквозь подросток в футболке, шортах и старых кедах. Убедившись, что завхоз свалил, Павел повернул к дому.

В тот день сама погода благоволила собраться на кухне и опрокинуть рюмаху-другую: дождь из сильного превратился в морозящий, и ветер усилился – тот самый пронизывающий морской ветер, холодный даже в самый жаркий день; стало промозгло и слякотно. Зубы Пашки колотили дробь, когда он пнул по обыкновению не запертую дверь своей квартиры. С кухни лился перегарно-дымный свет вперемешку с нетрезвыми голосами. В них он узнал, кроме прокуренного тембра бабки, заядлого дружка её Лёшку, крикливую особу из соседнего подъезда Надьку и ещё чей-то мужской голос, ему не знакомый. Последнее обстоятельство впрочем его вовсе не удивило: новые гости появлялись здесь часто – появлялись, пили, спали и исчезали в пучине прокуренного времени; он

их даже не пытался запоминать.

Появления его не заметили. Павел сразу пошёл в комнату, но на тахте ждал сюрприз: незнакомый ему полуголый мужик, крепко спящий. Злость начала импульсами пробегать по позвоночнику, сжимать кулаки, молоточками отстукивать в висках. Пашка раскрыл дряхлый шкаф и отпрянул: вся одежда, и его и бабки, валялась вперемешку, дополненная парой старых обувных коробок сверху. Вместе со злостью возникло дурное предчувствие... *по какому поводу праздник?*

Взяв спящего мужика сначала за ногу, потом за руки, Павел стащил его на пол – тот брякнулся не хуже поролонового Жоржа, и единственным отличием стало сонное ругательство. Павел приподнял верхнюю часть тахты. Под матрасом, в самом дальнем углу, он хранил деньги, данные отцом перед отъездом. Хранил в конверте, подсовывая его между матрасом и нижней рамой тахты, так чтобы не было видно, если только матрас не перевернуть полностью.

Конверта не было.

Громкий стук, донёсшийся из комнаты, не могла пропустить мимо ушей даже развесёлая компания на кухне.

– Никак, Митька грохнулся, – предположила Надежда, однако её туманные мысли остановил появившийся в дверном проёме силуэт Павла. Стук тот издала тахта, упавшая со всей высоты на пол. И Пашка ещё с трудом себя сдержал, чтобы не подтащить под неё голову спящего алкаша прежде, чем

опустить тяжёлый матрац в деревянной раме.

– Где деньги? – Спросил он.

При его появлении весёлый гул смолк на несколько секунд. Павел стал там самым катализатором, при появлении которого настроение в компании сразу портиться и все замолкают. Затем баба Лёля, сидевшая в углу между столом и газовой плитой, отложила сигарету и улыбнулась полубеззубым ртом:

– Паш! Ну ты где ходишь? Садись, вот, поешь...

Нетвёрдым жестом она указала на стол. Ответ на Пашкин вопрос был наглядным: несколько бутылок не самой мерзкой выпивки как колокольни высились среди полей различных нарезок, банок с консервами и соленьями, хлебом и даже подгнившими фруктами. Особенно в этой пестроте выделялась палка добротной колбасы твёрдого копчения, ещё не тронутая пропитыми ртами.

Вот, где денежки!

На секунду Пашке представились купюры, разбросанные по столу. Но не простые, а измятые, вываленные в грязи и затем высушенные, залитые дешёвым пойлом и томатным соком, с роем летающих над ними мух... молоточки в висках перешли в барабанную дробь, затмевая зрение. Точно в виски ему вкололи шприц со спиртом, и теперь огненная жидкость растекалась сначала по голове, воспаляя мозг, а затем и по всему телу. И сгустился туман, оставив лишь просвет впереди, как если бы он смотрел в маленькое круглое

отверстие.

Павел подошёл молча к столу, взял палку колбасы и хотел было повернуть обратно, едва себя сдерживая и вообще с трудом осознавая происходящее, но Лёшка, на свою же беду, с криком «э, оборзел?!» схватил его за плечо.

Развернувшись, Павел ударил его в лицо что было силы. А злость, вероятно, сил предала немало, поскольку тот аж свалился с табуретки, осквернив гастрономическое изобилие брызгами крови и слюны. Надька тут же завизжала, баба Лёля охнула, а незнакомый парень кинулся на Пашку, и началась потасовка – из тех, что называются домашней поножовщиной. Без ножей наверняка не обошлось бы, попадись они под руку! Лёля бросилась разнимать их, точнее оттаскивать Пашку, потому что он словно озверел и колотил мужика обеими руками, так что тот мог только беспомощно закрыться ладонями. Досталось ему неслабо.

Орущая бабья свора кое-как вытащила Павла в коридор. Тогда он поднялся и выбежал из квартиры как был – в порванной грязной футболке и весь мокрый, ведь так и не переделся.

– Нос! Мой но-ос... – доносилось с кухни вперемешку с ругательствами. Нос Лёшки оказался свёрнут в сторону. Лёха ползал по полу в остатках битой посуды, продуктов и поломанной табуретки, не находя в себе сил подняться. Его поверженный защитник валялся рядом с выбитым глазом и несколькими зубами. А баба Лёля только и видела, как хлоп-

нула за Пашкой дверь, отскочив и тут же распахнувшись снова.

– Что за щенок, а? Кого уродили! – крикнула она вслед, но догонять, понятное дело, не стала.

Дружный вечер алкоголиков был испорчен, кухня разгромлена; а Пашка нёсся по улице и единственным его желанием было вдруг провалиться в канализационный люк или внезапно встретиться с капотом автомобиля – так чтобы раз, и сразу темнота.

Но никто ему по дороге не попался. И пристанищем вновь стала средняя школа № 587 – как и прежде, она встретила его пустынным холлом и затхлым воздухом тёмных коридоров.

В учительском туалете он сунул голову под кран и немного пришёл в себя. Опасливо глянул в зеркало, но увидел там только приукрашенную несколькими ссадинами собственную уставшую физиономию. Значит, сознание ему *пока* не изменило.

– *Это тебе на расходы, не давай бабке,* – лениво сказал ему отец перед отъездом, протянув замызганный конверт. Естественно, пока мать не видела. И выглядело это как откуп, чтобы он дал им свалить. Словно он мог запретить это! Ну да Пашка не протестовал. Пускай катятся ко всем чертям. Только от отца какая-то помощь. И вот она – размазана теперь по кухонному полу!

Что дальше? Страхи обитают у нас в голове. Если им нет там места, то нет им места и в реальности. Павел и думать

забыл про сторожа, а к запаху привык. Да и недавний ветер немного продул здание. Кроме того, теперь, когда завхоз уехал, можно было приоткрыть для лучшего проветривания окна, что он и сделал. И неторопливо прошёлся по тихой, сумеречной столовой, где лавки были закинутаы вверх ногами на столы. Мимо отключённых витрин-холодильников, где в учебный сезон продавали заветренный салат оливье и заливное желтоватым майонезом яйцо, но которые он бы проглотил в два счёта; мимо молчаливых умывальников, где всегда кто-нибудь толпился, а плакаты призывали к чистоте; и мимо фенов для рук, грустно повесивших шнуры-штекеры, вытасенные из розеток, как хвосты. Прошёлся и сел за учительский стол, где вместо лавок были стулья, и посмотрел за огромные окна, за которыми тихо шелестела влажная зелень. В столовой было мёртво, неуютно.

Пару лет назад как-то по весне в скверик, что перед школой, приехал трактор и начал что-то ковырять. Забегали люди-активисты, что сразу было понятно по их рвению, а так же учительница истории Антонина Порфирьевна, выскакивая из школы и сверкая на фоне ещё чёрной земли своим красно-клетчатым пончо, больше похожим на плед. Сначала думали, что это коммунальная авария, но трактор ковырял в хаотичном порядке, то тут – то там, перепахав весь сквер, и подобрался уже вплотную к школе, когда на баррикады вышли завхоз и директор и стало понятно, что дело тут в другом.

– Наверно, клад ищут! Там что-нибудь зарыто! – бытовало мнение в младших и средних классах, старшие же наблюдали за всем этим без особого интереса. Зато Антонина Порфирьева бегала крайне возбуждённой, её красное пончо так и развивалось по коридорам; на уроках она стала сбивчива, хотя и так не славилась последовательностью, но на прямой вопрос, что там ищут, не отвечала.

Само собой, истина скоро выплыла наружу: трактор искал захоронения по протекции какого-то чересчур рьяного активиста-археолога. Забавный это был дядечка: невысокий, плотный, на коротких ножках, в круглых очках словно бы без диоптрий и с чёрной оправой, с жидкой бородёнкой и

вечно надутым лицом. Антонина Порфирьевна, дама не малого роста, в своём красно-клетчатом пончо выглядела рядом с ним как фламинго по сравнению с птицей-киви. Дядечка всегда носил какие-то бумаги, часто захаживал к директору и быстрее всех бегал за трактором, указывая, где копать. Как-то раз Белка и Хомяк проследили за ним: не найдя Галину Алексеевну на месте (а к такой тактике директор прибегала довольно часто для избавления от назойливых посетителей), дядечка отправился к завхозу, чей кабинет тоже был на первом этаже, рядом с кладовой. Как поняли ребята, притаившись у двери, Николаю Петровичу пришлось выдержать не шуточную атаку.

– Об этом не может быть и речи! – как мог отбивался завхоз, на что в ответ слышал назидательное и очень настойчивое бормотание:

– Вы не понимаете! Николай Петрович, самое главное как раз под школой!

– И что? Хотите загнать туда трактор?

– Ну что вы! Возьмём лопаты...

– Подвал забит хламом, и, кроме того, там бетонный пол! Я не позволю вам портить здание. Достаточно того, что вы чуть не расковыряли фундамент!

– Да поймите же вы...

Однако завхоз категорически понимать не хотел и рекомендовал обратиться к директору. Но и это не дало результатов: через несколько дней трактор и дядя-археолог покину-

ли школьную территорию, причём последний из них в грозной форме обещал вернуться с постановлением градостроительного комитета. А первый оставил перепаханный сквер, который потом кое-как разровняли силами учеников на субботниках, проводимых в ту весну каждую субботу. И ни один, ни второй не вернулся. На этом бы и закончилась история неведомого нарушителя школьного покоя, однако газета «Метро» вновь внесла лепту в просвещение жителей: в ней появилась статья, рассказавшая, что школа стоит на древнем захоронении народности «чудь» и что разорение этого захоронения недопустимо, хотя и было сделано ещё во время Первой мировой, то есть за долго до строительства школы. Чуть позже Антонина Порфирьевна дополнила школьные умы сведениями, что здесь якобы была гробница и теперь она находится глубоко под школой, но как же она может там находиться, если недалеко пролегает ветка метро, а совсем рядом – теплотрасса. Из чего все сделали вывод, что она и сама толком не знает. Антонина Порфирьевна была женщина советского воспитания и крайне рационализаторского склада ума, а потому ту часть статьи, где говорилось о каком-то заклятии, она отказалась комментировать вовсе. Но именно эта часть – что стоит только в школе случиться смерти, и эта могучая, неведомая сила будет разбужена и медленно, но верно начнёт своё проявление, так чтобы в дальнейшем заполучить ещё больше жертв – именно эта часть размытыми газетными страницами проплывала в сознании

Павла, когда набрякшая на потолке капля сорвалась и разбилась о его макушку. Он очнулся и обнаружил, что задремал – уронил голову на локоть и блаженно пускал слюни на учительский стол. А в сумраке столовой, в остатках сна сверкнуло красное пончо Антонины Порфирьевны и донёлся эхом из коридора её звучный, сиплый голос.

Оказалось, что уже почти темно. Павел не знал, сколько продрых здесь; сегодня он вообще потерял счёт времени. За окнами невидимой массой шевелились листья и отсвечивало блёклой серостью небо. Наверно, дождь всё ещё идёт. Уличные фонари уже зажглись – они бросали в окна жёлто-ядовитый свет. Павел прислушался. Лёгкий шорох улицы... и ещё какой-то равномерный звук. Почти как шорох, но не шорох. И точно не на улице.

Не понимая, что это за звук, но слыша его всё отчётливей, Павел встал и осмотрелся. Недалеко от входа он заметил светлое пятно, которое раньше принял за отблеск фонаря.

Работал холодильник. Тот самый витринный холодильник, где в учебный сезон выставляли незатейливую столовую стряпню. Сейчас же подсветка падала на пустые полки, точно надсмехаясь над Пашкиным желудком, и без того почти исчезнувшим. Сколько он не ел? Со вчерашнего вечера... если, конечно, тот вечер был вчера, в чём он уже не был уверен. *Похоже, начинаются глюки!*

Постояв в недоумении перед холодильником, спокойно урчавшем, как сытый кот, Павел сделал несколько шагов к

выходу, как резкий щелчок заставил его обернуться – холодильник отключился, подсветка погасла. По спине проскочил привычный металлический разряд электричества. Но он не смог бы заставить его бежать – настолько он устал и хотел есть! И тут в его измученный голодом мозг, словно красный ветер от пончо Антонины Порфирьевны, ворвалась догадка: ну конечно, холодильник! Что, если таким образом подсознание даёт ему подсказку? В камере у сторожа же есть холодильник, а в нём – наверняка что-то съестное. Прошло всего три дня, продукты не должны испортиться... или хотя бы не все!

Как бы ни был велик страх, а голод в разы величественней. Он затмевает разум и инстинкты, он заставляет рисковать – ведь в риске есть надежда, а без него – мучительная смерть. И Павел, повинаясь воли желудка, покорно пересёк холл и гардероб и приблизился к заветной двери. По пути он зажёл свет в коридоре – опять же, чтобы с улицы не увидели.

Приглушённое шипение телевизора. Наверно, опять перерыв в вещании... и такой приятный – звук работающего холодильника! Чуткий слух смог определить его безошибочно даже через дверь. А желудок тут же заурчал, предвкушая долгожданных посетителей. Не услышав ничего иного, Павел повернул ключ в замке и дёрнул дверь.

Точно лавина, упала на него стена затхлого, влажного воздуха с нотками гниения и пыли. И кучей мух, что вырвались, как пчёлы из опрокинутого улья. Дух был настолько тяжё-

лым, что даже горло перехватило; Павел приподнял футболку и закрыл ею нос. В комнате был полумрак – потолочная лампа почему-то не горела, осталась только маленькое бра над столом. Липкая лента для мух распушилась трупиками и ещё живыми насекомыми, отчаянно жужжащими в предсмертной агонии. Тело лежало у тахты, прикрытое покрывалом – конечно, точно так, как его и оставили... наверно, точно так. А на шипящем экране телевизора горел несуществующий 54-й канал – потому и помехи шли. Хотя Павел точно помнил, что они оставили шумное телешоу на одном из центральных каналов... но сейчас не до того!

На счастье холодильник стоял ближе всего к входной двери. Пашка нетерпеливо дёрнул дверцу. И к своей неопишуемой радости обнаружил там молоко длительного хранения, несколько нераспечатанных нарезок колбасы и сыра, и, что больше всего порадовало – много банок с консервами и соленьями, хотя и самыми простыми. Георгий Афанасьевич ходил в магазин редко, и потому брал продукты длительного хранения. Что было очень кстати! Пашка, забыв про вонь и даже не закрыв холодильник, откупорил банку шпротов и проглотил их один за другим.

В запасах сторожа нашлась даже буханка хлеба – среди консервов и нарезок ей тоже ничего не сделалось, а вот на столе хлеб давно уже цвёл всеми красками радуги. Останки курицы, обглоданные мухами, высохли и превратились просто в кости, а сами же мухи роем летали над покрыва-

лом, ползали радом по полу, подметая его своими хоботками, и постоянно ныряли внутрь в тех местах, где покрывало неплотно прилегалo к полу. А внутри как будто происходило еле слышное, плотоядное шевеление.

Любопытство – наверно, третья наша страсть после голода и страха. Вернее сказать, оно и страх соперничают, рождая известную дилемму: жутко страшно и жутко интересно. И когда желудок Павла наполнился шпротами и хлебом, «жутко интересно» само собой пересилило.

Говорят, надо принять две истины: во-первых, умрёте вы, а во-вторых, умрут все кого вы знаете или когда-либо видели. А вдруг там что-то есть, кроме червей и разложения? Хотя, конечно, внешне ничего иного нет. Но так хочется верить в другое, и потому тянет нас могильная тайна как нечто незавершённое, как то, что непременно произойдёт и с нами тоже. Не удержался и Пашка. И, долго простояв перед прикрытым трупом и пытаясь уловить несуществующие его движения, он протянул пальцы к изголовью и чуть сдвинул грубую ткань. Но открылась ему лишь пористая, желтоватая субстанция.

Что это? Мозги? Такая мысль влетела первой. Но нет же, ведь и череп должен быть! Ничего не понимая, Павел ещё немного сдвинул покрывало. Потом ещё и ещё, и с каждым сантиметром его пробивало разрядами тока, а кожа покрывалась сыпью. Наконец он сдёрнул покрывало полностью и отступил, для уверенности взявшись за стул, так как подо-

зревал, что вот-вот грохнется.

Там лежал Жорж, тот самый поролоновый друг из театрального кружка, мило улыбаясь маской кота Леопольда! Лежал мирно и неподвижно, и мухи тут же разлетелись, словно потеряв интерес. А Пашка пялился на него и не мог поверить глазам.

Невозможно... невозможно! Они же унесли Жоржа наверх! *И где сторож?* Банки с консервами и нарезка выпали из рук Павла. На ватных ногах он повернулся, чтобы уйти, но даже шаг дался ему с трудом. Вот уж точно, поролоновые ноги... *поролоновые!* А вдруг... он посмотрел на ноги – те начали приобретать пористую структуру мягкого материала. *Всё сон!* Наверно он не проснулся ещё, и спит в столовой!

Телом он подался вперёд, но ноги подогнулись, точно смялись, и он упал на косяк двери и сразу же – на пол. Он не чувствовал ноги. Они пропали! Словно отсутствовали. Он видел их – вот они, какие-то нелепые, тонкие и... вялые. Поролоновые! Пашка пополз вперёд, в холл, опираясь на локти. Но в тёмном холле, косо освещённом из коридора, что-то свисающее с потолка отбрасывало на стену длинную тень. И слегка раскачивалось, поскрипывая верёвкой. Длинный силуэт в мешковатой одежде, и ноги... Ноги! Одна чуть короче другой, в стоптанных тапочках, причём один соскользнул и валялся на полу. И висельник начал медленно поворачиваться, а Пашка чувствовал, словно его тело растворяется, превращаясь в безжизненную губку. Он уже не мог ползти,

а только лежал и в последних проблесках отчаяния смотрел на свисающее тело. Оно повернулось – и над сжатой кушаком шеей он узнал посиневшее, в разбитых очках лицо Георгия Афанасьевича. Оно застыло в неподвижной гримасе смерти... но губы его внезапно дрогнули.

- Эй! Вот он! Лежит...
- Что с ним?
- Не знаю... ну и вонища здесь.
- Думаешь, это от него?
- Да не похоже...
- Проверь пульс, ты же умеешь.
- Ага! А вдруг опять...
- Проверь! Я рядом постою.
- Хорошее утешение!

Голоса доносились как из-под воды, а до запястья кто-то боязливо дотронулся дрожащими пальцами.

- Есть! Пульс есть! Паш? Эй, Паш? Не отвечает!
- Надо водой его, я так видел...
- Ну так принеси!

После еле слышных шагов Пашка ощутил, как по лицу полилась приятная прохлада. И тут же в лоб прилетела мыльница, в которой и принесли воду.

- Ты что! Ну и руки у тебя! – возмущился знакомый звонкий голос.
- Ой, выскользнула... мыльница скользкая, потому что там было мыло...
- Ты любого пациента угробишь.
- Я нечаянно. У него дрогнули веки!

– Неси ещё воды...

– Хватит! – выплюнул Пашка, чувствуя во рту, куда попала вода, обжигающий привкус мыла. – И правда пришьёте...

Взволнованные лица Белки и Хомяка склонились над ним. Сначала он различил их как сквозь туман, потом чётче.

– А мы думали, ты умер, – откровенно заключил Белка.

– Ну спасибо, – Пашка сел, прислонившись к стене. Вдоль окон гардероба на пол падали лучи полуденного солнца. Голова трещала, а нос словно забили гипсовой смесью. – Какой сегодня день?

– Среда, двадцать пятое, – отозвался Хомяк.

Пока эти сведения никак Пашке не помогли.

– А давно мы с вами виделись?

– Да пару дней назад... ты нас тогда домой выгнал... ну помнишь, как нас завхоз поймал... то есть, чуть не поймал... мы тогда побежали...

– Понял! – нетерпеливо прервал Павел сбивчивые Белкины объяснения. Значит, он здесь только ночь пролежал. Воспоминания начали как сонный медведь ворочаться в голове, и он опасливо глянул в холл – но с потолка, конечно, никто не свисал. Значит, сон... и голодные галлюцинации.

– А что с тобой случилось? – робко спросил Хомяк.

– Там дверь закрыта? – резко отозвался Павел.

– Какая дверь?

– Да к сторожу!

– А чего ей быть открытой-то? – Белка подошёл к двери. –

Ой, в ней ключи торчат...

– Запри и вытащи ключи! – скомандовал Павел. Белка выполнил поручение.

– Ты что, ходил туда? Зачем?

– Долго объяснять...

– Ну расскажи!

– Жрать хотелось! А там холодильник! – рявкнул Пашка, чрезмерная активность Белки его уже раздражала.

Белка с Хомяком многозначительно переглянулись, потом Хомяк робко засуетился:

– Мы тут... то есть я, тебе поесть принесли... подумали, что голодный наверно. Ты вчера весь день не звонил, не писал...

Из кармана своих широких шорт Хомяк извлёк завернутые в полиэтиленовый пакетик бутерброды. Надо признать, представляли они собой плачевное зрелище: сыр расплылся, а масло так и вовсе всё впиталось в булку и исчезло. Хомяк же с гордостью сообщил:

– Я сам делал!

– А идея была моя! – тут же добавил его друг.

Пашка проглотил бутерброды, толком не чувствуя, что ест. Затем попытался встать, но у него не получилось. Белка заботливо протянул ему руку. Однако Павел только бросил на него презрительный взгляд, опёрся на стену и всё-таки встал. Пошёл в туалет, сунул голову целиком под кран, потом напился воды прямо из крана. Его спасители торчали

тут же и с любопытством за ним наблюдали.

– А почему ты на полу лежал? Что случилось? – первым не вытерпел Белка.

– Есть ещё жратва? – вместо ответа сказал Павел.

– Нет...

Он вздохнул, посмотрел в зеркало. Благодарить их ему или злиться? Второе ему хотелось больше, но ведь злиться на кого-то кроме себя было глупо в данной ситуации. Он ведь всё заварил... и получил что хотел – ключи и целую школу в распоряжение. Но не той ценой, что планировал! Хомяк, особо сведущий в еде, отвлек его:

– В школе же должна быть кладовка с продуктами! Обязательно! Не могли же они всё использовать, помнишь – ты сам говорил!

Павел посмотрел на него снисходительно:

– Первая здравая мысль, Хомячина, – сказал он и вышел из туалета. – Пошли.

– А куда?

– Туповат ты всё-таки, парень. В столовую!

Белка с Хомяком радостно устремились за ним. Эти несколько панибратских фраз, брошенных им, взбодрили их и дали ощутить дружеское к ним отношение.

Редко кому удавалось побывать в школьной кухне. Она была одним из тех скрытных, таинственных мест, куда ученики не могли попасть вовсе. Пашка, впрочем, всё же там был: как-то в школу привезли новые электрические плиты,

и он оказался одним из тех «крепких мальчиков», кого можно без особого ущерба образовательному процессу забрать с урока с целью эксплуатации детского труда. Сначала они с ещё несколькими такими парнями, под чутким руководством завхоза, выкорчевали старую рухлядь, а потом занесли новую, ещё упакованную технику. Ему хорошо запомнились огромные чаны, где толстоватая приземистая повариха размешивала некую жижу, которая впоследствии именовалась пюре или овсяной кашей. Запомнился запах подогретого масла и что-то прогорклое, кислое. И крахмал, которым разило от чана с киселём. Но Пашке понравилось в этом царстве школьного скупердяйства; он съел бы там всё, не обращая внимания, насколько это качественно или полезно. Тогда их труды вознаградили парой жареных пирожков с картошкой, что стоили в буфете двадцатку – он и тому был рад.

Сейчас кухня пустовала, как и все прочие помещения школы. Вся посуда была убрана в шкафы, чаны закрыты гигантскими крышками, и только вытяжки как и прежде разевали над плитами свои чёрные пасти. Пашка проверил несколько шкафчиков, Хомяк и Белка тоже рыскали тут и там. Но обнаруживали убранную на хранение кухонную утварь и больше ничего.

– А где еда? – разочарованно проямлил Хомяк, разводя руками.

– Тебя что, кормят мало? – Отозвался Пашка. – Тебе ли

жаловаться.

Холодильники были отключены. В коридорчике за кухней их поджидал сюрприз, так знакомо и так неприятно пахнущий: в одну из ловушек попала крыса, да так и лежала там, никем не убранный. А Хомяк, конечно же, наступил в миску с крысиной отравой-липучкой.

– Теперь тебе сандалии менять придётся, – заметил Белка, пока Хомяк пытался одной ногой отклеить прилипшую тарелку от другой.

В коридорчике им встретились несколько дверей. Одна оказалась холодильником – он так же был пуст и обесточен. За другой хранилось всякое редко используемое барахло. А за третьей ждала долгожданная награда: действительно, некоторые запасы остались!. И хоть были эти запасы весьма скудны, но ребята осматривали полки, разинув рот: на них теснились упаковки с печеньем, что давали на завтрак вместе с молоком, само молоко длительного хранения в коробках по два литра, какого никто из них никогда не видел в магазинах, и куча банок с тушёнкой, тоже наверняка не лучшего качества. Вероятно, именно её жалкие кусочки попадались в размазне, именуемой овощным рагу. И, конечно, были там запасы всяких круп, крахмала, растительного масла в пятилитровых бутылках, банки с сухим киселём и прочая малоприятная еда.

Не долго думая, ребята схватили по пачке печенья, разорвали упаковку, сыпя кругом крошки, и стали уплетать,

словно все трое были с голодного острова. А за печеньем в углу оказался ещё подарок: кукурузные палочки «Читос», тоже продававшиеся в буфете и жутко пристающие к зубам. Их, впрочем, было там не очень много, и Пашка быстро ограничил доступ к ним:

– Так! Народ, на выход! Иначе сожрём всё сразу.

Хомяк начал набирать целую охапку всяких упаковок, но Пашка подошёл к нему, сложил всё обратно и оставил только пару пачек крекеров.

– Э-эй!

– На выход! Еда будет выдаваться строго в виде поощрения.

– Какого-такого поощрения?

– Скоро узнаешь!

– Мы тебя от голодной смерти спасли! – заметил Белка.

– Верно. И получили за это печенье.

– Ты что, оцениваешь свою жизнь в пачку печенья? – осенило вдруг Хомяка.

– Не умничай! Выходим.

Кроме сухпайка они прихватили пачку молока и несколько коробок с соком, которые тоже там нашли. Уселись в столовой за учительский стол и объедались углеводами, ощущая, как сахар приятно распределяется по телу, расслабляет его, туманит разум. Как тают во рту кукурузные палочки, смешиваясь с молоком или соком, и как пустеют пачки печенья. Смотрели друг на друга, радовались и молча обжиралась.

лись.

– А кто английский знает? – спросил вдруг Пашка, откинув пустую пачку от сока. – Хомячина, ты должен знать. Ты же у нас ботан.

– Ничего я не ботан, – промямлил в ответ Хомяк; пить молоко ему пришлось прямо из двухлитровой коробки, что было весьма неудобно – оно текло по подбородку и уже образовало немаленькое пятно на рубашке.

– Он просто заз... хотя да, ты же ботан! – подтвердил и Белка.

– Ну английский знаешь?

– Ну знаю чуть-чуть...

– Да хватит! Куда в тебя только влезает? – удивился и Пашка, поскольку Хомяк выдул молоко почти полностью. – Знаешь, как будет «свободный»?

Семён отодвинул опустошенную коробку и призадумался.

– Ин.. independent, кажется. Да, индипендент. А зачем тебе?

– Да думаю, как назвать свою... – он снисходительно поглядел на своих друзей – один из них был весь в молоке, а другой в крошках от печенья. Месяц назад он схватился бы за голову, обнаружив себя в их обществе. – Свою компанию.

Белка оживился:

– Ого! У нас компания? Не, у нас банда! Да, Пах? У нас банда! Банда свободных! Банда independent!

– Во-первых, я тебе не «Пах», а во-вторых, до банды вы

ещё не доросли. Скажете тоже, ну и словечко! Скуби-Ду, что ли, посмотрелся? Просто организация. Я объявляю о создании организации под названием «independent», то есть свободные, независимые. И кто вам сказал, что она наша? Вас туда пока никто не принимал.

Белка с Хомяком так и разинули рты:

– Э, как же так!?

– Ну, вот так.

– Я же проходил посвящение! И Денис тоже! – обиженно напомнил Хомяк.

– Посвящение посвящением, оно... предоставило вам право на вступление в эту организацию.

– Мы хотим этим правом воспользоваться.

– Вам осталось сделать только членский взнос. Пятьсот рублей. И вы будете приняты, – заключил Пашка.

Ребята переглянулись и промолчали.

– Ну? У организации должен быть бюджет!

– Мне не даст столько мама, – вздохнул Хомяк, – она даже в магазин мне деньги даёт строго на продукты по списку. Чтобы я не накупил себе гадостей.

– А мне, думаю, даст, – лукаво заявил Белка, что повергло Хомяка в полное отчаяние.

– Да блин! Ну как же так!

– У тебя что, даже котика-копилки нет? – усмехнулся Павел.

– Ну есть...

– Вот и используй. И будет у тебя доступ к гадостям.

Хомяк в отчаянии схватился за голову, а Белка с криком «Ю-ху! У нас банда!» побежал вприпрыжку по столовой. Чуть позже Павел отправил их домой, порадовавшись, что избавился наконец от малолеток. А потом достал свой кнопочный, чудом работавший мобильный и накрапал сообщение: «приходи. Я за школой». А сам пошёл в театральную студию, надеясь, что там найдётся какая-нибудь одежда взамен той, что была на нём уже очень давно и явно нуждалась в замене. Нашлись там лёгкие, не в меру широкие цветастые штаны, в которых играли то ли Али-Бабу, то ли разбойников – Павел не помнил точно, а сверху он накинул простую белую рубашку, почувствовав себя в ней очень свободно.

Получив СМС от Павла, она не раздумывая отправилась к нему. Она давно его знала. Настолько, что другие сказали бы «сто лет», но она никогда не вспоминала о давности знакомств и не использовала банальные фразы.

В районе она была известна как Шина. Девочка с длинными, неухоженными, слишком чёрными волосами, прыщавым декольте и извечным каучуковым шнурком на шее с броским дешёвым украшением в виде черепа, давно потерявшем первоначальный блеск на её жирной коже. Всегда в одном и том же, всегда в чёрном; ей словно никогда не бывало ни жарко, ни холодно – всегда она в джинсах с навешанными на ремень примерно теми же побрякушками, что и на шее, и в свитере с большим вырезом, почти открывающим плечи. Лишь в лютый холод появлялась на ней чёрная кожаная куртка не лучшего вида – и всегда расстёгнутая. Она говорила, что нечувствительна к окружающей среде. Что это не то, на что следует обращать подлинное внимание.

Пашка ждал её у чёрного входа, усевшись на пол под окном. Сверху нависал балкон второго этажа, и эта ниша под ним, где и была дверь, служила чем-то вроде крыльца, хотя поднималась от земли всего на две ступеньки.

Она молча опустилась рядом с ним, обняла колени руками. Затем, не говоря ни слова, вытащила пачку сигарет из

кармана джинсов и протянула Павлу.

– Наконец-то! – буркнул тот, до этого словно её не замечая.

Они закурили, глядя на пустынный школьный двор, на рыжие от закатного солнца верхушки ближайших деревьев и верхние этажи домов. В городе было жаркое лето, было тихо и безлюдно. И только они вдвоём оказались прикованы к этому зданию, рассчитывавшему, может, как и многие другие, на недолгий отдых.

– Клёвые у тебя штаны, – проговорила Шина, почти докурив. – У Хоттабыча спёр?

– Не. У Али-Бабы.

Шина одобрительно кивнула, выкинула окурок и достала следующую сигарету, но пока не закурила:

– Пойдёшь ещё к ним?

Пашка отстранённо глянул в даль, в сторону своего дома.

– Пойдёшь, никуда не денешься. – Заключила Шина не без иронии, которая сквозила в большинстве её фраз.

– А может и денусь.

Шина вновь одобрительно кивнула:

– Что делать будешь?

Она протянула ему сигареты, но Пашка отказался еле заметным движением головы.

– Твои все свалили?

– Да нет, вроде.

– А мой походу все.

– Кто твой-то?

Пашка оставил без ответа это саркастическое и чрезмерно правдивое замечание.

– Водяна видела вчера. И Джем здесь, – договорила Шина, чуть подумав.

– А Макс?

– Работает. Прикинь!

Прикидывал Павел довольно долго, и Шина вновь закурила:

– А ты что не пойдёшь?

Пашка мысленно усмехнулся.

– Не лезь к ним. Не выйдет, – заключила девушка.

– Я свалить хочу.

Снова одобрительно-насмешливый кивок:

– Куда рванёшь?

– Всё равно.

Дымящаяся сигарета чуть дрогнула вверх, указав на второй этаж:

– А это всё зачем тогда?

– Думал перекантоваться лето. Но я не вернусь *туда*. Не могу.

Интересно, вспомнила о нём бабка? Вряд ли, хорошо если через неделю вспомнит... Пашка увидел перед глазами тот конверт, что дал ему отец перед отъездом, и внутри него опять всё сжалось и заклокотало. Эх, если бы сразу он забрал эти деньги! Если бы сразу использовал... то был бы уже да-

леко!

Он взял у Шины сигарету, от души затянулся, а затем с самоуничижительным наслаждением приложил окурок к тыльной стороне ладони, между большим пальцем и указательным. И он выжег внутреннюю боль, хотя бы ненадолго притупил её.

– Мне деньги нужны, – сказал он.

– Дружков своих обдери, – посоветовала Шина, с интересом наблюдая, как красный кругляшёк на Пашкиной руке медленно покрывается влажной корочкой.

– С толстяка хрен что возьмёшь, а этот... – он задумался, и договорил чуть позже: – посмотрим.

У него недели две ещё, Пашка прекрасно это понимал. С середины августа начнётся подготовка к новому учебному году, завхоз наверняка вернётся... и тогда всё вскроется – и мёртвый сторож, и весь их обман; а Николай Петрович точно укажет на него – он же его видел! Нет, назад пути уже нет!

Он начал подниматься – ноги жутко затекли в согнутом положении.

– Есть хочешь? – спросил он, впервые посмотрев на неё.

Свитер её был весь в мелких катышках, череп на груди совсем засалился, и несколько не слишком чистых прядей прилипли к её выпуклой щеке.

– Вот моя еда, – Шина помахала пачкой сигарет.

– Ну пошли тогда.

– Я не хочу туда.

– Сторожа боишься?

– Его-то что бояться? Он своё дело сделал.

– Вот и я не боюсь. Пошли.

Поднявшись, Шина обвела взором двор, корпуса школы, темнеющее бездонной синевой небо над ними – солнце уже зашло – и заявила:

– Не выйдет твоя затея. Добром не кончиться.

– А я проверю. Идёшь?

Павел распахнул железную дверь, и по полу крыльца заструился прохладный, застоявшийся воздух. Шина о чём-то задумалась, глядя в чёрный проём, потом словно что-то для себя решила:

– Ну ладно. Сейчас можно. – И вошла вслед за Павлом. Щёлкнул стальной замок, отгораживая их мелкий, простой мир от наружного, большого и жестокого, и пошли они в камеру гардеробщицы, тщедушными телами затмевать суровые проблески действительности.

Утром Хомяк долго смотрел на свою розовую, с бантиком и в белой рубашечке свинью-копилку. Он складывал туда ту незначительную мелочь, которая оставалась в виде сдачи и была настолько мала, что мама не требовала её возврата, или же – что было чаще – те деньги, что выделялись ему на мороженое и которые он по назначению не использовал, а маме говорил, что мороженое было ну очень вкусным. Что и говорить – мама действительно следила за его питанием, по-

скольку со сладостей его раздувало как пончик в духовке. И даже на день рождения ему выдавалась совсем незначительная сумма, которая тут же под присмотром родителей исчезала в той же свинье «до востребования». Однако копил он давно и предполагал, что набралось там уже много больше тысячи, а может и двух. Как-то в порыве мимолётного негодования он заявил, что на следующий свой день рождения он разобьёт свинью, купит себе гигантский торт и съест его в одиночку, на что мама лишь пожала плечами и кинула фразу «значит нового компьютера тебе не видать». А Хомяк очень хотел новый компьютер, поскольку тот же Денис всё время играл по сети и ему тоже предлагал, но его старенький компьютер на такое был не способен. И теперь, глядя на мило улыбающуюся свинью, Хомяк пребывал в полном смятении – что же делать? Ему полагалось читать утром, а он не читал, и только благодаря маминому попустительству это сходило с рук.

Разбить? В конце концов, это же *его* деньги! А его ли? Ведь, как не крути, их *не он* заработал. Но ведь потратить-то их можно не только на торт... взяв копилку, Семён оценил её вес и счёл, что пятьсот рублей может пожертвовать на благое дело – ведь только на благое дело могут быть потрачены собранные столь большим трудом деньги. Но как разбить? Мама услышит.

В квартире была тишина, стрелки часов подбирались в одиннадцать. Семён тщетно пытался читать, но перед взо-

ром на страницах книги так и возникала то свинья, то число «500» вместо букв. Он уже осмотрел свинью ни раз – в некоторых копилках бывает отверстие снизу, которое заклеивается картоном и при необходимости открывается, но ему же специально подарили такую, которую можно было только разбить.

За окном шелестела зелень, светило яркое солнце. Хомяку не терпелось на улицу, и, кто бы мог подумать, – в школу, куда он обычно ходил без особого желания. И тут из соседней комнаты он услышал приглушённый звонок мобильного.

– Алло! – раздался недовольный мамин голос.

Последовала пауза, а затем полилась её плаксивая, надорванная речь:

– Как ты можешь так с нами поступать? Скажи мне! В чём я виновата? Что всю жизнь выполняла все твои прихоти? Делала всегда всё что ты хотел? Я... я не была размазнёй! И сына я воспитываю как надо! Не ты будешь мне советы давать! Порядочный человек никогда бы так не сделал!

По-видимому, она повесила трубку, потому что дальше Семён услышал сдавленные всхлипы. Он осторожно вошёл в её комнату – дверь не была даже прикрыта:

– Мам? Что случилось? Это папа был?

Мама стояла отвернувшись к окну, в одном халате; её красивые вьющиеся волосы были небрежно раскиданы по плечам.

– Твой папа... нехороший человек, – ответила она, про-

глотив рыданье.

– Он ушёл от нас?

– А ты до сих пор не догадался?!

Семён даже отшатнулся – настолько резко было это сказано. Словно он был виной тому. И смутно он это почувствовал. Что он не тот, кого хотели бы здесь видеть... точнее, не совсем *такой*. *Неправильный*. Он быстро вернулся к себе в комнату, взял со шкафа свинью и швырнул её об пол – осколки вперемешку с мелочью разлетелись по полу.

– В чём дело? – мама тут же возникла в дверях. – Что ты наделал!

– Мне нужны деньги.

Нина смотрела на него и не верила, что слышит эти слова от своего послушного сына. Она сделала шаг вперёд, но была босяком и наступила на осколок.

– Ай!... Семён, зачем деньги, ты что? Я погорячилась, прости меня... ты здесь ни при чём. Ты идеальный ребёнок.

– Вот именно! Я слишком идеальный! Насолько, что даже ничего не понимаю!

– Послушай... не горячись. Давай уедем. Я давно хотела навестить тётю Милу, помнишь? Двоюродную сестру свою... она звала нас на дачу к себе...

– Я никуда не поеду!

– Почему? Ты же хотел ехать!

– Не хочу! Не хочу я никуда! – выкрикнул Хомяк, понимая, что рассказать даже малую долю своего секрета непоз-

волительно. И от отчаяния бросился на диван в слезах.

– Зачем тогда деньги тебе? – переступая по полу на пальцах, Нина подошла к нему и села рядом.

– Мы... мы с Денисом на аттракционы хотели. Он тоже в городе. У меня и так друзей нет! А ты мне ничего не даёшь! Ни копейки! А я уже не маленький! – хныкал он в подушку.

– Хорошо, я... дам, сколько надо. Что ж ты сразу не сказал?

– Ты мне даже на сладости не даёшь!

– Ну, сладости это одно, а аттракционы – другое... а куда вы пойдёте? В какой парк? И когда? Может, проводить вас?

– Ма-ам!

– Ну ладно, ладно...

Нина наклонилась, положив голову на колени и обхватив её руками.

– Я... ты должен понять: ты мой единственный ребёнок! – заговорила она через некоторое время. – Да, наверно я делаю что-то неправильно. *Да, это же очевидно!* Всеми виной только я, – она вдруг резко изменила тон. – Похоже, ты весь в отца будешь. Сколько нужно тебе?

– Пятьсот рублей.

– Возьмёшь на кухонном столе. И приberi здесь, – с этими словами она с наигранной невозмутимостью вышла из комнаты, переступая через осколки. И закрыла к себе дверь.

Чуть позже, в этот же день, мятая пятисотрублёвая бу-

мажка, изрядно пропотевшая в шортах Хомяка, легла на стол перед Павлом.

– Вот, держи, – заявил Семён хмуро и даже обиженно.

– А что так грубо? Это ж дело добровольное, никто тебя силой не заставляет.

– Нет... всё нормально. Просто... пришлось выпрашивать, – промямлил Хомяк. Ему было стыдно за сцену перед мамой и непонятно её поведение. Он старался никогда не огорчать её, и инцидент с копилкой его самого поразил не меньше, чем её. Он не понимал, что происходит с ним самим, почему он вдруг так резко отреагировал. Он дивился сам себе, своему внутреннему «я», которое так неожиданно себя проявило.

– А мне сразу дала! Даже не спросила, зачем, – радостно вставил Белка, отчего Хомяк нахмурился ещё больше.

– Отлично. Первый взнос сделан, – регламентировал Павел, и купюры исчезли в кармане его штанов.

Шина ушла ещё утром, оставив Павла в блаженном – на сей раз воистину блаженном – царстве снов. А разбудил его низкий, грудной голос гардеробщицы, разнёсшийся эхом по холлу, и звук уроненного на пол черенка швабры – отражаясь от стен, он гулко прокатился по школе. Она всегда роняла швабру, когда чего-то пугалась... но эхо растаяло вместе с остатками сна.

Вчерашние слова Шины засели в голове прочно. «Не лезь к ним» – так и звучало в ушах. Да, Павел хорошо помнил

зимние разногласия с Джемом и то, чем всё это закончилось – уже не с ним, а с его «шестёрками» вроде Водяна. Мутная компания, да к тому же все старше Павла на пару лет минимум, а он ещё и вёл себя так независимо. Деньги у них водились! Павлу нужны были деньги – для себя, Джем же посчитал, что весьма крупная их часть принадлежит ему – как организатору. И хотя деньги у Павла остались – он успел их спрятать, но пары рёбер он тогда чуть было не досчитался и потом почти месяц не мог нагнуться и прогуливал физкультуру, придумывая всякие отмазки. Тогда он понял, что не всё можно компенсировать выносливостью тела, что есть предел, и его лучше не преступать.

Командного игрока из Павла не вышло, да и не интересны были ему эти игры. Самым безобидным их занятием был сбыт всякой техники, как правило гаджетов, на рынках. Чаще всего это был Сенной рынок, Апражка или Юнона. Сами гаджеты нередко были краденными, но с ребятами, кто обеспечивал их кражи, Павел не был удостоен знакомства. А вот со сбытчиками несколько контактов наладил. Был один пацан, Комар, в Апражке все его знали...

– Откуда штаны такие? – сбил его Белка с размышлений. Пашка задумался, глядя в окно, а неугомонный Денис не мог долго сидеть просто так; из Хомяка же сейчас был скудный собеседник.

– Блин... чтоб ты спросил.

Продумал он схему ещё утром, и твёрдо решил: раз надо

валить, то здесь ему терять нечего. У него желудок к горлу поднимался при мысли, что ему придётся ещё вернуться в эту квартирку! В эту грязь, срань и дым... после просторов школьных помещений.

Надо найти Комара. Но самому ему не стоит там появляться, чревато...

– Значит так! – заговорил Пашка бодро. Сидели они в столовой, и голос звонко покатился между столов и стен. – Дальнейшее ваше обучение курсу молодого бойца будет стоить двести рублей в день.

От этих слов Хомяк скис окончательно, а на резком лице Белки отобразилось что-то вроде пугливого предвкушения. Павел посмотрел на них пристально, не зная, кому больше доверять. Денис – легкомысленный дурачок, а Семён... какой-то странный сегодня. Он не дурак по учёбе, но в жизни, очевидно, полный лох. Хотя до сих пор не слинял и деньги принёс!

– Вот что, – заговорил Павел, – знаете, где Апражка? Ну рынок? (собеседники настороженно кивнули). Надо там пацана одного найти. Телефона его у меня не осталось... а мне самому туда нельзя. А найти надо обязательно.

– А зачем? – не выдержал Белка.

– Лишние вопросы! Дослушай сначала. Комар его зовут...

– Прямо так и зовут?

– Слушай! Ещё слово, и будешь исключён из нашей, как ты говоришь, банды! Так... зовут Комар. Страшный как

чёрт, невысокий, с огромным носом, ни с кем не спутаешь. Сделать это нужно сегодня. Сможете?

Семён хмуро пялился в стол:

– Мне мама не разрешит...

– Так и сидел бы дома с мамой, – ответил Павел спокойно. – Думаешь, всю жизнь тебя кормить кто-нибудь будет? То мама, то добрый Пашка, да?

– Не думаю, – совсем глухо отозвался Хомяк.

– Ты нормальным пацаном хочешь стать? Или так до старших классов Хомяком и будешь? И в дипломе тебе так и напишут: выпускник «Хомяк»!

– Хочу! Хочу стать!

– Тогда слушай. Тем более вы же вдвоём пойдёте. Вход с Садовой. Через галерею магазинов до конца, потом налево выход на улицу, потом прямо и упрётесь в невысокое здание, такое обшарпанное всё. Там в подвальчике вроде «Электроника» магазин. Но довольно большой, почти весь подвал занимает. Там Комара и спросите.

– А не ответят? – усомнился Денис.

– Ну скажете от Рокета. Но это в крайнем случае. Лучше только ему самому уже сказать. Да думаю, вам и так ответят. Его часто спрашивают.

Павел умолк, ожидая реакцию.

– А Рокет это кто? – спросил наконец Белка.

– Это я.

– Ого! Вот это кликуха!

– Ну найдём мы его, а дальше? – очнулся Хомяк.

– А дальше надо будет набрать меня и передать ему трубку, чтоб я с ним поговорил. Или в крайнем случае взять у него номер.

– А он согласится? Разговаривать?

– Сделайте так, чтобы согласился.

– Э! А как? – сразу спохватился Белка.

– Это и есть ваше задание, – с довольным видом Павел развалился на стуле. Комар пацан ушлый и своего не упустит, а потому стоит понадеяться, что он не скажет никому больше. – Поняли, как пройти? – спросил он через некоторое время, пока мелкотня думала, морща нос. И на его удивление Хомяк слово в слово всё повторил, пока Белка вспоминал, закатывая глаза. – Ну и славно. Тогда ещё задание: на телефон мне положите рублей триста. Найдёте! Всё. Вопросы?

Друзья его молчали. Хомяк насупился; видимо, в голове его шёл нешуточный мыслительный процесс. На лице же Белки было что-то вроде сладостного предвкушения.

– Раз нет вопросов, то вперёд, что сидите? Как доехать разберётесь, не маленькие. А это вам на дорогу, так и быть, – Пашка протянул им две пачки кукурузных палочек. Ребята взяли их и молча вышли. – И если что, мне звоните сразу! – Крикнул вслед Пашка, когда те уже миновали двери столовой. Из холла донеслось «Хорошо!».

Снова он остался один, в просторной и мрачной школе.

Через высокие окна столовой он видел, как головы его друзей пересекли школьный двор и скрылись за углом. Надо пойти закрыть входную дверь... от калитки он им выдал ключ, но входной не доверял.

Учитель информатики, Марина Юрьевна, была пожалуй самым молодым сотрудником школы. Было ей около тридцати, то есть женщина в самом соку. Что само собой вызывало повышенный интерес среди мужской части старших классов, да и средних тоже. С учениками общалась она почти на равных, всегда резко и с сарказмом отсекая фривольные шуточки, из чего становилось ясно, что такое внимание вовсе не претит её принципам. Но за классом информатики она следила как следует – не пускала без сменной обуви или в верхней одежде, и разрешала пользоваться строго ограниченными интернет-ресурсами. А при том что её уроки в век технологий были наиболее интересными благодаря одной только сути, компьютерный класс был заветным местом пребывания для всех учащихся школы. Кроме того, в прошлом году там обновили все компьютеры и даже похвастались перед другими школами на уровне администрации, а потому у Пашки чуть слюна не текла, когда шнырял он около двери компьютерного класса – мало того, что она была железной, хотя во все другие классы вели двери деревянные, так ещё и ключа на сторожевой связке от неё не нашлось. Конечно, там не все ключи были, иначе бы она стала неподъёмной, а только от всяких технических помещений да от кабинета биологии, где сторож поливал цветы и которые теперь наверня-

ка доживали последние свои дни. В компьютерном же классе Георгию Афанасьевичу, по всей видимости, делать было нечего.

От большинства кабинетов ключи хранились в учительской, но обшарив её, заветной отмычки от царства техники Павел так и не нашёл, а вынес оттуда только электрический чайник – пока для личного пользования. И ещё стал присматриваться, где бы обосноваться ему. Не всё же в гардеробной каморке сидеть!

Время шло к вечеру. Солнце начинало заворачивать на фасад школы, разукрашивая его рыжими закатными лучами и разбрасывая по пыльным кабинетам красные блики. Скользнуло оно и по окну гардероба. Пустые вешалки нарисовали на стенах причудливый частокол, и Пашка сидел в холле и беспокожно ждал звонка. Он переживал за них, за своих незадачливых малолетних компаньонов, единственных, кто согласился помочь ему, веря в его обман. *Валить отсюда! Скорее валить!*

У него вдруг так сжало в груди, что Павел резко встал и втянул ртом воздух. Ничто больше его тут не держит. Нечего ему тут делать. Не вернётся он в тот алкогольный ад, именуемый домом! Потому что *он другой*. Странно, что так, но да – *другой*. Он начинал осознавать это точно. Шумные компании и бухло никогда его особо не прельщали, и он увлекался этим лишь при необходимости поддержать друзей, которые и друзьями-то не были. Потому что в них он видел та-

кое же тёмное прокуренное будущее. А теперь, если у него будут деньги, он свалит! Свалит далеко-далеко, и никто его здесь не будет помнить, никто его не найдёт. И заживёт где-то там новой, совсем другой жизнью! Лишь Шину хотелось ему обнять на прощание. Такой случай, он надеялся, ещё будет у него... но тяжелее всего было то, что и ей доверять он полностью не мог. Она знала многих ребят в районе, и он не мог сказать себе честно, в каких она с ними отношениях. Она слыла одиночкой и чуть ли не провидицей, и возможно действительно знала и чувствовала больше, но ведь всё это могло быть только маской.

Запутавшись совсем в собственных мыслях, Павел начал расхаживать по холлу. Тени от вешалок медленно росли и перемещались, одновременно с тем, как солнечные лапы блёкли, теряли силу. И школа вновь погружалась во мрак, и лежал где-то там мёртвый, иссушенный сторож... как плохо, всё-таки, они поступили с ним! Неужели заслужил он такой конец? Так ведь и он, Пашка, заслуживает не лучший! Да ещё отправил этих двоих на рынок, в самое злачное место города. Он себе не простит, если... но вот, звонок!

Никогда бы он не подумал, что настолько будет рад слышать писклявый голос Хомяка. На фоне чьих-то разговоров он крикнул «мы нашли его» и передал трубку Комару. Сиплый, прокуренный, довольно высокий голос – это был Комар, Пашка сразу узнал его. От сердца отлегло. Попросив Комара взять болгарку, Пашка распрощался с ним до завтра, а своим

соратникам велел тотчас ехать домой, заверив их, что задание выполнено отлично. Теперь он был спокоен, дело двинулось.

Отключив телефон, он окинул взглядом холл, на стенах которого умирали тени вешалок. Последние огненные лучи загнали их к самому потолку и заставили раздуться, как отравленную крысу перед смертью. А рядом с полом начинала сгущаться тьма, заполняя пространство холодным туманом. Пашке стало очень неуютно здесь. Идти в каморку у гардероба он не хотел; какое-то омерзение возникло в нём перед этим помещением. Надо пойти наверх. Туда, где солнце ещё светит в окна. Он быстро зашёл в спортивный зал, взял оттуда мат и поспешил наверх, стараясь не смотреть куда-либо кроме как под ноги. На последнем, четвёртом этаже открыл кабинет алгебры и геометрии – почему-то он приглянулся ему больше остальных. Здесь ещё было светло, здесь небо было ближе. Тьма осталась далеко внизу, но она поднималась... поднималась одновременно с тем, как солнце всё глубже садилось за горизонт. Но здесь была настольная лампа, да и дверь он запер изнутри, подперев её ещё и стулом. И лёг на мат рядом с учительским столом, сжался в клубок и попытался спать. Но сон его был чуткий и беспокойный, и то и дело в подсознании возникали образы Галины Алексеевны, Николая Петровича, Аллы Эдуардовны, сторожа или Антонины Порфирьевны, или Семёна и Дениса, а так же и Комара, и Шины, и все части их тел были перепутаны, слов-

но их сначала расчленили, а затем сшили в неверном порядке. И в таком виде эти существа разгуливали по коридорам школы и скреблись в подпёртую стулом дверь.

Комар явился к вечеру следующего дня и принёс с собой сумку, напоминающую портфельчик старого кагэбешника. «Антиквариат!» – заявил он сипло, перекинув сигарету с одного угла рта в другой. В портфельчике оказалась болгарка и некоторые другие инструменты, и вскоре железная дверь компьютерного класса была вскрыта без особых проблем. Пашка правда опасался, что там возможно не отключена сигнализация, но Комар перерезал пару каких-то проводков в ближайшем щитке и сказал, что «всё норм». А так же добавил, что вся школьная система охраны похожа на детский сад и что сейчас она похоже отключена вообще вся.

Дверь была открыта, и пред ними предстала целая комната компьютеров и мониторов.

– Техника конечно так себе, но загнать можно. В принципе, кстати, средняя, – прокомментировал Комар. – Думал, хуже будет.

Несколько системных блоков были тут же разобраны на запчасти, так же Комар уволок ещё четыре монитора, покидая школу поздней ночью под покровом темноты, как говорится. А Пашка разбогател на несколько тысяч, которые, несомненно, требовалось ещё приумножить. Комар же обещал прийти опять, как только сбавит эту технику.

– Тебе надо побыстрее или подороже? – Только и спросил он.

– Побыстрее.

– Лады. Тогда перекупщикам загоню. Думаю, уже завтра. А если частникам продать, было бы дороже!

– Нет. Мне быстрее надо.

– Как скажешь.

На этом они распрощались, и Пашка вернулся в своё логово на четвёртом этаже. И уже на следующий день несколько парт в кабинете алгебры были сдвинуты вместе и ломились от всяких пицц, пирогов, соков и печенья, а за ними сидели, наевшись до отвала, Хомяк, Белка и Пашка.

– Вот это да! Я ещё так никогда не наедался! – стонал Хомяк, с трудом запихивая в рот очередной кусок пиццы.

– Смотри не лопни. Я тебя вытаскивать не буду. Загниёшь тут, как сторож! – подшучивал Пашка. Откуда были взяты деньги на пир, он им не сказал конечно, пояснив лишь, что Комар хороший друг и всегда поможет. Нельзя им такое говорить, ещё ляпнут где-нибудь, не нарочно, так случайно! К счастью, подавить их любопытство при помощи вкусностей оказалось не сложно.

– Корпорация independent начинает своё развитие. День четвёртый, полёт, как видите, нормальный! – изрёк он для поддержания духа.

– А какой у нас будет девиз? – спросил Белка.

– Девиз? А какой ты хочешь?

– Акуна-матата! – предложил Хомяк, перемалывая очередной кусок пищи.

– Не, не катит, – отрезал Пашка. – Давай посерьёзней.

– Свободные и независимые! – встрял Белка.

– А это слишком банально.

Пашка задумался, глядя в окно. Там, на небосводе, где-то высоко-высоко сияло солнце, утопая в глубокой синеве. Небо сегодня было на удивление синее.

– Дорога к небу. Да, пусть будет дорога к небу, – проговорил он.

– А почему к небу? – удивился Денис.

– Ну ведь там свобода. Нет никаких рамок, границ...

– Я бы тоже не хотел рамок и границ, – Семён наконец справился с пищей и измождённо смотрел на следующий кусок.

Павла вдруг осенила потрясающая мысль:

– А не пойти ли нам на крышу?

Ну да, как раз там он ещё не был! В глазах его друзей загорелся восторг.

– Вы знаете, кто это висит? – спросил он, указав на самый левый портрет над школьной доской.

– Это Лобачевский. Великий математик! – ответил Хомяк.

– Что-то он хмурый очень, – добавил Денис, и Павел подержал его:

– Вот-вот, я тоже заметил. Мне он не нравится. Да и во-

обще вся эта компания.

– А чего ж радоваться, если в голове одни цифры и формулы! – пошутил Денис, сам прежде всего и рассмеявшись.

– Надо его выгулять, – подхватил Хомяк.

– Думаете, повеселеет? – усмехнулся Павел. – Ну, давайте попробуем. Снимайте!

Снять как положено портрет не удалось, и великий математик был скинут с гвоздя учительской указкой. Рама со стуком упала на пол и в одном месте даже треснула.

– Хомячина, ну-ка сядь рядом... да у вас с ним одно лицо!

– А и точно! Да! – тут же подхватил Белка.

– Да ничего не одно! Мы же вообще не похожи!

– У вас обоих ум из ушей лезет.

– Ничего подобного!

– Ладно, бери его и пошли.

Прихватив портрет Лобачевского, ребята отправились покорять просторы крыши, а Лейбниц и Гаусс таким образом лишились одного соратника.

Лёгкий тёплый ветер гладил волосы, приятно скользил за ушами и обнимал шею, как ласковые руки девушки; проникал под футболку и обдавал ненавязчивой свежестью. Здесь дышалось иначе, чем внизу. Раскалённый воздух поднимался от гудроновой крыши, и стопам было приятно-горячо, точно шагали они по пляжу, и отдалённый шум улицы, почти не слышимый здесь, хотелось принять за плеск невидимого моря. А вокруг колыхались верхушки деревьев, отра-

жая солнце глянцевою зеленью. Яркий свет обжигал лицо и макушки, заставлял жмуриться, и всё же здесь было хорошо, очень хорошо.

– Посмотри, Лобачевский, на мир! – сообщил портрету Хомяк, прислонив его к кирпичному колодцу вентиляционного канала, что возвышались здесь повсюду. – Посмотри, как красиво! Вон, видишь, там внизу – это проспект Большеви́ков...

– Тебе бы гидом быть, – заметил Пашка, с наслаждением выкуривая сигарету. Они сели в тени одного из колодцев, и над ними было только небо и ветер.

– Смотрите! Лобачевский похоже повеселел! – Белка ткнул пальцем в портрет.

– Конечно! Его, наверно, ещё ни разу не выгуливали! – на полном серьёзе заявил Хомяк.

– Помолчите вы хоть немного! – сказал им Пашка, прислонившись головой к кирпичной кладке. Ему не хотелось ни говорить, ни чего-либо слышать.

Он закрыл глаза и представил, что он где-то очень далеко. В степи, наверное; в бескрайней казахстанской степи, про которые так любила рассказывать учительница географии, которая была родом из тех мест. Где солнце на закате настолько огненное, что такого нигде и никогда больше не увидишь. Где до самого горизонта только поле, где, по её словам, можно, если присмотреться, увидеть шарообразное искривление земной поверхности – настолько пустынный там пейзаж. Где

гуляет ветер и свобода, приминая шёлковую степную траву, и та колыхнется, точно волны в море, и звук почти такой же, только более мягкий... шёлковый звук, как трава. И где единственным пятном на фоне неба маячит маленький мазаный дом с дощатым крыльцом, и на крыльце, на скамейке, сидит он, Павел, и смотрит вдаль на эти бескрайние просторы. А к дому ведёт пыльная дорога в две колеи, почти затерянная среди травы, ведь по ней никто никогда не ездит и один Бог только знает, как не заросла она до сих пор. И движется по дороге силуэт. Волосы его развиваются от ветра, и одет он только в чёрное. Свитер чуть сполз и обнажает белое, костлявое плечо. Пашка поднимается навстречу, он узнал силуэт: это девушка. Он радостно вдыхает горячий степной воздух и подходит к краю крыльца. Девушка приближается; ветер треплет ей волосы, и лицо нельзя разглядеть. Да он и так знает, что это она: у кого ещё найдутся такие чёрные, такие плотные, как нейлоновые нити-волосы.

Она всё ближе, но ветер по-прежнему не даёт взглянуть ей в глаза. Она подходит... и под растрёпанной чёрной шевелюрой Пашка начинает различать непонятную округлую конструкцию, а снизу выступает какой-то странный, сморщенный подбородок. Ближе, ещё ближе... и вот, он видит её лицо. Округлая конструкция оказалась очками, одно стекло в которых разбито, и стёкла впились в дряблую, тонкую кожу лица Георгия Афанасьевича... наверное, он вскрикнул, потому что Белка и Хомяк недоумённо на него уставились.

Казалось, даже Лобачевский задаёт ему тот же вопрос, что и они:

– Эй! Ты что?

Они стояли на краю крыши, у хлипкой низенькой ограды, что была по периметру, Пашка же сидел на своём прежнем месте, только съехал ниже и чуть не завалился на бок. Видимо, он задремал.

– Вы что там делаете? – он встал, разминая затёкшие ноги.

– Хотели вниз посмотреть.

– А то Лобачевскому отсюда ничего не видно, – Хомяк поставил портрет на ограду и развернул его лицом к городу.

Пашка подошёл к ним, отметив, что за время их пребывания здесь небо покрылось лёгкими перистыми облаками, а ветер усилился. Внизу был небольшой сквер, как раз тот самый, где прошлой весной ковырялся трактор. Теперь траншеи, заботливо убранные учениками под руководством Николая Петровича, были почти не видны. В сквере гуляла мамаша с коляской, и рядом бегал совсем маленький ребёнок, неуклюжими ножками пиная яркий мячик.

Сначала Павел не обратил на это внимания и бесстрастно наблюдал за мамашей. Но потом в его голову, точно плесень из сырого подвала, пробралась странная мысль: сквер ведь находился на территории школы, то есть за оградой, как же мамаша оказалась внутри? Или не заперли калитку?

– Ой!!!

Рука его действовала быстрее, чем мозг. Через доли се-

кунды он уже держал Хомяка за шиворот, а тот от страха весь обмяк и рухнул на раскалённый гудрон рядом с решёткой. Секундой раньше порыв ветра выхватил из его рук портрет Лобачевского, а его самого чуть не опрокинул следом.

Портрет Пашка схватить не успел. А тот, спланировав вдоль школьной стены на восходящих снизу потоках воздуха и описав гиперболу (это слово голосом Аллы Эдуардовны вдруг пронеслось в его голове), остановился... точнее врезался, и раздался уже совсем иной крик, даже вопль, и следом детский плач. Что-то круглое быстро покатилося по гравийной дорожке, а мамыши рядом с коляской уже не было...

Пашка вдруг осел, сам цепившись в ограду. Сломанный портрет валялся внизу, и Павел отсюда видел, как блестела на его раскучуроченной раме свежая кровь, а мамышина голова лежала неподалёку от коляски.

В глазах его стемнело. Хомяк и Белка что-то кричали, суетились, но он слышал их отдалённым эхом. Потом почувствовал, что его попытались отлепить от решётки и уложить на поверхность крыши. Оказавшись точно на сковороде, он немного пришёл в себя. Хомяк ревел, а Белка бормотал что-то нечленораздельное вроде «может, ещё ничего... может, не сильно!»

Как же не сильно? Куда уж сильнее-то? Пашка снова глянул вниз и, наверно, побледнел бы ещё сильнее, если б мог: рука лежавшего на дорожке тела пошевелилась, нога согнулась в колене... женщина пыталась встать, но нанесённое

увечье не давало этого сделать. Наконец она повернулась, и Пашка увидел, что голова её на месте. По дорожке покатился мяч, а болезненное воображение сыграло с ним очередную злую шутку. Воображение... *или место?*

Самообладание вернулось к нему столь же быстро, как и было потеряно. Вскочив на ноги, он схватил Белку и Хомяка за шиворот и поволок их в здание.

– Заткнитесь, вы! С ней всё нормально! – говорил он им, да и себе тоже, пока они бежали по коридору.

Вдруг и это всё фантазия? Больная, обострённая фантазия, как и всё то, что он видел в холлах первого этажа! То, чего *нет на самом деле...* но это было. Из окна кабинета алгебры, куда они спустились, было хорошо видно женщину – она сидела, свесив руки между колен и опустив голову на грудь, как какая-то тряпочная кукла, как *поролоновый* человек, а ребёнок рядом бился в истерике. На светлой футболке женщины и на шее сверкала кровь, она же была и на поломанном портрете – тут зрение не обмануло, сразу дав верную картинку. Портрет серьёзно покалечил её; должно быть, удар пришёлся на шею и вполне мог задеть вены.

Пашке стало вдруг невыносимо страшно. Он обернулся резко, точно за ним шла толпа трупов – разумеется сзади никого не было. Страшно и холодно. Он видел, как изо рта идёт пар, а солнечные лучи, начинающие заглядывать в окна, не греют предметы и стены, а замораживают их, как жидкий азот.

– Мне надо домой! Домой! – не унимался Хомяк, да и Белка готов был ему поддакивать.

– Какое домой! Сейчас сюда придут... точнее на территорию школы... – едва отзывался Пашка, сев на парту.

– Что мы наделали! Что наделали!

– Молчать! – в порыве рявкнул он, вмазав кулаком по парте. Настолько сильно, что боль заставила его протрезветь. – А когда сторожа прикончили, вам домой не хотелось? Тогда это было что-то само собой разумеющееся? Мы вместе, и вместе будем до конца! Забыли? Клятву? За подстанцией? Хорошая же у вас память!

Он взял себя в руки и подошёл к окну. Не в его принципах было орать, спорить, повышать голос. Тем более воспитывать! На эту роль он годился меньше всего на свете. Обалдевшие от его крика, Хомяк и Белка притихли, не решаясь раскрыть рот.

К женщине уже подбежал какой-то парень – должно быть, зашёл через калитку, а может и решётку перелез. Наверно, вызвал уже скорую. Женщина всё так же сидела, низко свесив голову и не двигаясь. Парень наклонялся к ней, пытался успокоить ребёнка. Потом подошёл ещё кто-то. Парень указал на портрет, и люди подняли головы вверх... Пашка едва успел отпрянуть от окна.

Наш город превращается в лабиринт из бесконечных заборов, решёток и оград. Нередко оказывается, когда огоро-

женный школьный стадион оказывается ещё внутри школьной ограды. Служить это должно безопасности, но зачастую только препятствует ей. Врачам скорой помощи, приехавшим довольно быстро, пришлось нести женщину на носилках через всю школьную территорию до калитки, и только потом грузить в машину. Ворота ведь были закрыты. Кто-то стучал в парадную дверь и в заднюю, но Пашка с ребятами затаился на четвёртом этаже и запретил приближаться даже к окнам, которые теперь были зашторены. Они сидели вдоль стены в холле, в самом дальнем от окон углу. Врачи конечно вызвали полицию, портрет ведь не мог прилететь сам собой из неоткуда; и что теперь делать дальше, Пашка совершенно не знал.

Скоро приехали и менты. Спустившись на первый этаж, Пашка осторожно наблюдал за ними из окна гардероба, прячась за штору и за угол. Они подобрали портрет и долго осматривали фасад школы, задирая головы и раздумывая, откуда бы тот мог свалиться. Подёргали двери, обошли здание, позаглядывали в окна первого этажа. Один из них, постарше и наиболее серьёзного вида, всё время куда-то звонил, пока его напарник бегал вокруг здания. Пашка помнил его: фамилия ему была Собакян. Он хорошо её запомнил, потому как подходила она его жизненным принципам. Однажды по зиме, когда его загребли к ментам, поймав на железнодорожном складе, этот Собакян чуть не вывернул ему руку и всё утверждал, что таких как он и расстрелять не грех

– государство от этого только выгода. Теперь же он наверняка звонит в администрацию района, те свяжутся с директором школы, и она не замедлит вернуться. И всё. Конец!

Отчаяние поглощало Павла, медленно карабкаясь от пяток к голове, как наступающая тьма. Словно его укусила ядовитая змея в ногу, и теперь яд поднимался, готовый захватить мозг. Он не знал, что делать дальше. Совершенно не знал.

Друзья его остались наверху, и он поспешил туда, как только менты уехали. Когда на город легла душная августовская ночь, отзываясь багровым горизонтом за новостройками, он вывел их из школы, проводил до детской площадки и велел немедленно бежать по домам. А сам повернул назад, и школа чёрной глыбой возвысилась на пути к светлеющему горизонту. Точно гигантский рак, загоразживала она путь буквой «П», увлекая в тёмный тупик, откуда не было выхода. Был только назад – в сторону его так называемого дома. А вперёд... обойти? Ведь никто не мешает. Пашка прошёл вдоль ограды и всмотрелся в даль за углом, туда, где солнце ещё бросало лучи из глубины земли, подсвечивая высокие, неподвижные облака. Уже август. Времени оставалось мало, а теперь его нет совсем!

Он сорвался и побежал вперёд – что было духу, прислушиваясь, как ветер свистит в ушах и ударяются в лицо неповоротливые мошки. Понёсся мимо ограды прямо на свет! Мимо сквера, и вот уж школа позади... решётка здесь уходи-

ла под прямым углом влево, гравийная дорожка же шла наискосок к ближайшим домам на проспекте. И прямо на этом углу его поймала тёмная фигура – задев её плечом, Пашка споткнулся обо что-то, что звякнуло и зашуршало под ногами, потом на это наступил и полетел лицом по гравию, не успев подставить руки.

– Фу ты, чёрт! Смотри куда несёшься! – раздался позади знакомый голос.

Наверно, он тоже выругался, потому что голос узнал его: – Павел, ты? Где черти тебя носят?! А ну домой!

Это была баба Лёля. Тёмным вечером возвращалась она из магазина с очередной порцией выпивки, которая, правда, теперь валялась на дороге, потому как пакет разорвался.

– Совсем спятил, олух... чего носишься впотьмах? Вот только разбил если... чёрт, где... полтаха где? Вставай, кому говорю!

Баба Лёля была в том трезво-раздражённом состоянии, в каком обычно пребывала после хорошего запоя и отчаянно боролась с его последствиями, выпивая уже намного меньше – для поддержания тонуса, и, как правило, без компании. Дальше должен был последовать относительно спокойный период её существования, длившийся, самое большое, недели три.

Павел кое-как поднялся на ноги. Колено было неслабо расцарапано, в коже застряли мелкие камушки; ладоням и подбородку тоже досталось.

– А, вот она! Цела! – обрадовалась баба Лёля, обнаружив поллитру под кустом. – Чёрт... пакет порван теперь. Пошли домой!

– Не пойду.

– Чего? Давай топай! Сколько дней тебя не было?

Баба Лёля невозмутимо двинулась обратно вдоль школьной ограды. Пашка поплёлся рядом с ней, подбирая слова. В редкие минуты адекватности бабка бывала довольно жёсткой и закатывала взбучки и ему, и отцу с матерью. Могла даже вытащить дочь из запоя, чтобы спустя некоторое время окунуться в него уже вдвоём. Такие перепады в семейки были постоянно, и Пашке они осточертели.

Вытащив пачку сигарет из кармана грязно-белой кофты «Адидас», баба Лёля закурила. Пашка глядел на неё с отвращением.

– Так где тебя носило столько дней? – повторила она, жуя сигарету.

– Я уезжаю, – заявил Пашка, остановившись. Они вновь достигли детской площадки.

Баба Лёля повернулась к нему:

– Куда это? И на какие шиши?

Что тут было ответить?

– Не важно. Уезжаю, и всё.

– Что, денег раздобыл? Отвечай!

– Может... не, просто уезжаю.

– Врёшь! – свободной рукой она взяла его за запястье, и

Павел ощутил её холодные, сухие пальцы. Сигарета вплотную приблизилась к его лицу; его же начинало тошнить. Как на самом деле ненавидел он всё это! И выпивку, и грязь, и сигаретный дым! Один их вид напоминал ему о прошлой жизни. О жизни, которую он так *хотел бы* считать прошлой!

В глазах бабы Лёли не было ненависти, лишь испепеляющее любопытство и, быть может, зависть и власть, пронзающие насквозь.

– Пусти меня! – он попытался вырваться.

– Ты пойдёшь домой!

– Я не твоя собственность! Вы достали меня! Все!

– Не ори на улице.

– На себя посмотри! Дура! Алкоголичка! Ненавижу тебя!

Он сорвался, ударившись в истерику. Как хотелось вмазать ему по этому одутловатому, сухому лицу с маленькими, хитрыми глазами, с вечно шевелящимися узкими губами, в которое он только что выплюнул эти слова и которое даже не дрогнуло! Но он сдержал себя. И это жуткое усилие вырвалось диким криком, огласившим пустынные улицы. В отчаянии он вмазал несколько раз кулаком по решётке, а затем сполз на землю.

Баба Лёля больше не держала его. Её не удивила истерика. Дочурка, его мать, устраивала такие постоянно, вопя как прокажённая со стальной глоткой. Она лишь отступила на шаг и сказала сухо:

– Придёшь, никуда не денешься. Яблоко от яблони...

На этой фразе она удалилась, медленно растаяв во тьме. А Пашка остался на земле, у решётки, от боли и отчаяния до крови сжимая кулаки и кусая край своих старых джинсовых шорт, в которые облачился вновь. «*Пойдёшь, никуда не денешься*» – эхом пронеслись в его ушах слова Шины, прозвучавшие как насмешка, жестокая и правдивая, и грудь сдавило вдруг так, что Пашка едва смог вздохнуть. Каждый улар сердца отзывался сильной, колющей болью, самый малейший вздох заставлял замирать от боли. Неужели здесь, у школьной ограды?! Грязный и оборванный, как уличная шавка, которую все пинают ногами и гонят отовсюду?

– Я хочу уехать, – проскулил он жалобно, – я *должен* уехать! Иначе я не выдержу.

– У тебя ещё есть шанс, – отвечала Шина, присев рядом с ним.

– Шина... Лиза... я... не знаю, как быть. Что делать мне? Скажи! Я вообще не знаю... – голос дрожал, и он не стеснялся этого.

– Вы совершили глупость. *Непростительную* глупость.

– Но мы не нарочно!

– Это не искупает вины. Антонина Порфирьевна была права.

– Как же исправить теперь?

– Жертвами. Только жертвами. И ты знаешь какими.

– Но я не хочу!! – прокричал он, но звук получился надорванным, глухим.

Шина не ответила ему. Он зажмурил глаза, но вместо привычной темноты под веками было всё красное. Тогда он взял её за руку, холодную и какую-то невнятную; мягкую, словно она была *из поролона*.

– Ты пойдёшь со мной?

– Нет. Уже нельзя.

– Ну пошли!

– Антонина Порфирьевна была права. И та газета тоже. Все они, и живые и мёртвые, не дадут тебе покоя! Эти стены помнят всё. Уходи отсюда!

– Не могу!

– Оставаться нельзя, – произнесла она, нежно высвободила руку и ушла. Её силуэт растворился за пределами света ближайшего фонаря.

На улице никого не было. Пустота и тишина предрассветного часа зачаровали бы любого, но только не Павла. Он лежал на земле рядом с решёткой, закоченев в ночной прохладе. Небо начинало светлеть; северные ночи коротки. Рядом с ним – тоже никого. А была ли Шина тут? Вряд ли, что бы ей здесь делать среди ночи. Но слова её звучали эхом, уносились вместе с темнотой. Нет, сейчас он не может... хотя бы всего один день!

С трудом двигая занемевшими конечностями, Пашка поднялся на ноги. Ушибленные накануне места его тела отозвались полным онемением, а кулак, которым он с досады лу-

пил школьную ограду, распух и посинел. Держась за решётку, он добрался до калитки, зашёл внутрь и хромая поплёлся к школе, не обращая уже внимания на то, насколько зловеще она там или не зловеще выглядит. В его ватной голове сейчас было только одно: вечером обещал прийти Комар, и Пашке требовалось разобрать на запчасти оставшиеся в классе информатики компьютеры. Выносить их целиком было бы глупо и неудобно, и они забирали оттуда только жёсткие диски и платы. Комар обещал принести хорошую сумму, и, если всё удастся, Павел надеялся уехать уже будущей ночью. Уехать навсегда.

Какая, к чёрту, корпорация independent? Вспомнив эту свою выдумку, созданную для незадачливых друзей, он горько усмехнулся. Где здесь independent? Кто independent? Ведь всё наоборот! Чем больше он стремился к свободе, тем сильнее сжимались тиски вокруг него. Тиски с шипами, и каждый из них колол, проверяя на выносливость. А эти двое? Вдруг они расскажут? Наверняка же... у них не хватит самообладания. Выложат всё как есть, и про него, и про портрет, и про сторожа. И уже сегодня, с часу на час, сюда явятся менты и отопрут все двери. И тогда всё!

Нет, ну хоть бы ещё один день! Всего этот день!

Содрогаясь от горестных мыслей, Павел спешил к классу информатики, но ему нестерпимо хотелось пить. Коридор первого этажа они старались не посещать, уходя сразу наверх, но учительский туалет и целительная водопроводная

влага была именно там.

Ведь ничего этого нет... ведь всё – воображение и усталость...

Он зажёл свет в витринах и шагнул было вперёд... но посреди коридора его ждало препятствие. Та женщина из сквера. Она сидела, раскинув ноги и руки, ссутулившись и низко свесив голову, так что запачканные кровью и песком волосы падали на лицо и грязную футболку. Прямо как тогда, на улице!

И не шевелилась.

Пашка щёлкнул выключателем обратно – свет погас. В противоположном конце едва виднелись двери холла, и на их фоне он видел, что коридор пуст.

Всё воображение! Воображение! Этого нет!

Он зажёл свет снова, и женщина была там же.

– Тебя нет! – крикнул он в отчаянии, погасил свет и прислонился к стене, зажмурив глаза. – Тебя нет, тебя нет, тебя нет... – шептал он снова и снова, потом включил свет. В коридоре никого не было.

Опустив голову и глядя только под ноги, но быстро, насколько мог, захромал он к туалету. Полка с головой профессора Доуэля опять не была освещена – он заметил это боковым зрением, но промчался мимо, не останавливаясь. Если бы он мог, он бы бежал...

До двери туалета оставалась пара метров. Сзади послышался мягкий шлепок, как если бы упала на пол плюшевая

игрушка, затем шорох, и что-то гладкое и прохладное коснулось его щиколотки, прошуршав к дверям в холл. Это был разноцветный детский мячик, в который играл малыш на улице.

Павел невольно повернулся.

В коридоре снова сидела женщина. Всё так же, то есть теперь спиной к нему. Недоставало только одной её детали: головы. Потому что именно голова, а не мячик, лежала на самом деле у дверей в холл.

Заскочив в туалет, он щёлкнул задвижкой. И вдохнул терпкий сигаретный запах, теперь столь гадкий для него. Чтобы ещё хоть раз он закурил!

– Это учительский туалет, здесь нельзя находиться!

– Да подите вы все к чёрту! Оставьте меня! Вас нет! – обняв голову руками, Пашка сполз по двери на пол. Это становилось невыносимо. Его травили, как загнанную в ловушку крысу, издеваясь и глумясь.

Подойдя к раковине, он включил холодный кран и сунул под него голову, одновременно глотая стекающую по лицу, солёную от пота воду. Мозг немного остыл. Не без страха он посмотрел на себя в зеркало, но увидел там лишь сдобренное хорошей ссадиной, изможденное лицо; настолько измождённое, что такому бы и наркоманы-мазохисты позавидовали.

– Вы не сможете мне ничего сделать. Потому что вас нет. – Сказал он твёрдо и направился в класс информатики. Уже почти рассвело.

15

– Ты знаешь, что вчера случилось у твоей школы? – строго спросила мама Дениса, собираясь на работу перед зеркалом и заметив, что он не спит.

– Что? – буркнул тот из одеял.

– А мне кажется, что ты знаешь, – простучав туфлями по паркету, она вошла в его комнату и села в компьютерное кресло, повернувшись к нему. Белка был удивлён. Его мама редко так делала, тем более утром, когда спешила.

– Не знаю, – ответил он после невыносимой паузы.

– Знаешь. Но я не могу точно сказать, причастен ты к этому или нет. И допрашивать тебя мне некогда. Я вернусь через два часа. Будь готов, мы улетаем. Билеты я уже взяла.

Белка вскочил на кровати:

– Как? Куда?

– В Крым, – она встала и проследовала обратно в прихожую.

– Нет!

– Почему нет? Не сидеть же всё лето в городе, – нарочито спокойно она продолжила причёсываться.

– Но... а папа?

– Папа... уже ждёт нас там.

– Нет! Ты врешь! Что с папой?

Белла Леонидовна посмотрела на сына сверху вниз, стро-

го и как на букашку.

– То есть – я вру? Ты ничего не перепутал?

– Он же в больнице!

Она недовольно скривила накрашенные губы:

– Его выписали недавно. Он заезжал за вещами, когда ты носился где-то. Он очень ждёт нас.

– Не-ет! Но у меня... друзья здесь...

– Я прекрасно видела, в каком ты состоянии пришёл вчера вечером. И я не позволю своему сыну пойти не той дорогой! – заявила она безоговорочно, накинув на плечо сумку. – И я заберу пока твои ключи, чтобы ты не слинял никуда. Через два часа будь готов!

С этими словами Белла Леонидовна хлопнула входной дверью. Денис остался стоять посреди прихожей, как и был, в одних трусах и в полной растерянности.

Что ж... Крым так Крым. Не так уж и плохо! Постепенно его взгляд стал наполняться блеском путешественника. Спустя некоторое время раздумий, он счёл, что ему ничего не остаётся делать, кроме как подчиниться.

Как часто наши мечты несбыточны, но обезумившая надежда ведёт за собой сквозь лес топких болот и колючих елей. Ведёт, как звезда в ночной тиши, как вожак – стаю, полагаясь лишь на природное чутьё да свою смелость. Но иногда даже чутьё даёт сбой. Пахнет не ветреной свободой, а замшелым болотом; но отчаянное обоняние не чувствует

этого, видя только лёгкий бриз среди невысокой поросли, и не догадывается о том, какой смрад ожидает его, стоит только углубиться. С каждым шагом лес становится темней, и всё труднее переставлять вязнушие в гадкой топи ноги. А звезда, такая яркая и недосыгаемая, всё так же высока и приветлива. И даже захлёбываясь трясинной, тянется к ней твоя рука, вопреки пониманию, что всё уже кончено и звезда всегда останется только звездой на далёком, мнимом небосводе.

Поднимался ветер. Но не прохладу он гнал с моря, а горячий сухой воздух с иссушенных южных полей. Он взвинтил пыль; солнце раньше времени окрасилось в оранжевый цвет и затмилось душной дымкой. Он летел по трубам школьной вентиляции, гоняя по ним пыль и голоса голубей. Воздух в классах сдвинулся, задрожали рамы под напором ветра.

Холодильник в каморке сторожа был очень стар, едва ли не старше самого Георгия Афанасьевича. Школьной администрации было совсем не до холодильников. Да и этот прикол кто-то много лет назад из дома, поскольку купил новый. И теперь советская «Бирюза» прочно обосновалась в углу каморки, неизменно тарахтя старым мотором и вздрагивая всем телом при отключении. Вот только давно уже ей не приходилось вздрагивать. Слабым местом этих холодильников являлся температурный датчик, который переставал работать намного раньше, чем мотор. Георгий Афанасьевич, если холодильник долго не отключался, стучал по внутренней панели, и тогда тот переставал работать; а чтобы запу-

стить его, требовалось постучать снова. Теперь же старый трудяга тарахтел уже много дней напролёт, не отключаясь, потому как некому было последить за ним, и температура внутри всё падала.

А в каморке ведь было душно, да и пыль за холодильником убиралась крайне редко, а вернее сказать, не убиралась вовсе. Полчища мух превратились в залежи трупов, вместе с пылью образуя похожую на торф смесь, пригодную для выращивания рассады. И такой смеси за холодильником набилось предостаточно, а от горячей задней решётки она ещё и была очень сухой.

И вот, температура внутри упала настолько, что датчик всё-таки сработал. Раздался щелчок, и импульс побежал на выключатель мотора, сзади ничем не прикрытый и утопавший в пыли. Выключатель сработал исправно, разъединил контакты... яркая вспышка сверкнула за холодильником: ток нашёл себе другой путь, через пыль, мгновенно сжигая её. Только потом агрегат привычно вздрогнул и мотор отключился, а из-за холодильника потянулась тоненькая струйка дыма.

От телефонного звонка Павел вздрогнул. Но не от неожиданности, а наоборот – потому что очень ждал его и одновременно боялся. Потому что он должен был стать решающим. Он свидетельствовал бы о том, что Комар пришёл, принёс нужную сумму. И всё! Павел готов был покинуть школу в

тот же час. Весь день он ковырялся с компьютерами и развинтил почти все, рассовывая жёсткие диски и платы по разным пакетам. Будь в порядке его правая рука, он бы уже давно справился; но пострадавшая от решётки и его неуёмного характера, она болела, раздулась и отвёртку держала крайне плохо.

Он бросил беглый взгляд на улицу: уже темнело. А у него ещё оставалось два компьютера! Комар говорил, что придёт вечером, не уточнив время. Он никогда его не уточнял. Пашка схватил телефон, но звонил ему Хомяк. И жалобным голосом сообщил, чтобы тот пустил его в школу.

«Какого чёрта ты припёрся? Вали домой. Детские игры кончились!» – вертелось на языке Павла, но всё же он не озвучил эти слова, а лишь минуту сидел и думал, пялясь в пол. Думал, пока позади не раздалось резкое:

– *Где твоя сменка?*

Импульс пробежал по телу, гадкий, как разряд электричества. Снова *они* начинают! может, и лучше, что Хомяк пришёл! Хоть не так жутко. Скоро ведь будет совсем темно. Быстро миновав коридор второго этажа, Павел спустился и открыл ему. И зарёванный Хомяк кинулся к нему и обнял, уткнувшись носом в пропахшую потом футболку.

– Ты совсем спятил? – Павел попытался отстранить его, но тот крепко его обхватил. – Да отойди ты! В чём дело?

– Я сбежал, – промямлил Семён, отпустив его. Глядя на его понурую, неуклюжую фигуру, Павел вдруг почувствовал

жалость и сам тут же устыдился этого.

– В смысле, сбежал? – осмотрев двор, он запер дверь.

– Из дома. Мама хотела увезти меня к родственникам! Потому что... мне кажется, она догадывается. А в новостях я услышал сегодня, что та женщина умерла в больнице!

Звонкий голос Семёна разнёсся по лестнице, а затем повисла тишина, такая, что Павлу показалось на секунду, что он оглох. Мигом в памяти всплыла и она, и тот чёртов портрет, и хнычущий ребёнок, оставшийся без матери. *Без матери...* считай как он сам.

– А Белка где? – спросил он резко, чтобы только не молчать.

– Он звонил мне утром. Он с мамой в Крым улетает. Улетел уже.

На секунду Павла кольнула обида, в голове пронеслось слово «предатель»; но он тут же засмеялся внутренним, горьким смехом, выжигая эту нелепую мысль. Если кто здесь и предатель, так это он сам! Почему Хомяк не уехал? Было бы лучше, если б он плюнул на всё и свалил с родителями! Но он поверил ему, преданно и гораздо сильнее, чем его незадачливый друг.

Семён стоял у стены и тихонько всхлипывал, исподлобья поглядывая на Павла, а того охватила дикая злость. Не находя выхода, поскольку злился он на самого себя, она кипела, как вода в наглухо закрытой таре, и стенки из кожи и сосудов готовы были лопнуть. Она сжигала всё внутри и разли-

валась по жилам ядовитой субстанцией, стучала молоточками в висках и затмевала зрение.

– Почему ты не уехал? – задал он глупый и неуместный вопрос, и Семён лишь посмотрел на него удивлённо. Этот нелепый увалень, этот куль с вечно мокрыми подмышками и в дурацких очках заставлял теперь Рокета осознавать всю жалость, всю ничтожность своего положения и своей жизни в целом. Нет, он не стоит его доверия! Ни на секунду!

– Тебе лучше пойти домой, – проговорил Павел голосом дрогнувшим, глухим. Тени лестницы скрывали его лицо, и он порадовался этому.

«Я врал тебе» – добавил его внутренний голос, и даже задетая гордость не смогла удержать этих слов на языке, но оглушительный раскат грома проглотил их, как кит мелкую рыбёшку. Семён расслышал только «Я». На улице поднялся сильный ветер, окна холла дрожали под его напором, и по лестничной клетке гулял сквозняк.

Неуютно было в школе в ветреные дни. Неправильно сделанная вентиляция заставляла дрожать и гудеть всё здание, а верхний этаж в особенности, и потому его в быту прозвали «аэродромом». Сейчас наверняка хлынет дождь... и осунувшаяся фигура Семёна станет ещё и мокрой. Нет, он не сможет выгнать его на улицу! А тот, вероятно, начинал догадываться о словах, что были проглочены грозой.

– А ты долго здесь ещё будешь? – тихо сказал Семён, должно быть, постеснявшись спросить, почему его выгоня-

ют.

– Пойдём наверх, здесь холодно.

С этими словами Павел начал подниматься по лестнице, и его верный друг пошлёпал за ним. В их убежище на четвёртом этаже было ещё светло и намного уютнее, чем внизу. Павел включил чайник, собрал в кучу разные объедки на столе, а пустые упаковки выбросил. Семён уселся за стол, грустный и скованный; а когда он грустил, лицо его делалось ещё более круглым и похожим на хомячье.

Он потянулся за чашкой, и тут взгляд его скользнул по стене напротив. Глаза расширились, а чашка так и осталась где была.

– Почему *он* здесь? – вывалилось из его раскрывшегося рта, и Павел посмотрел туда же, куда и он.

Сначала он увидел стекающую по грифельной доске красную, густую жидкость. Почти невидная на тёмно-зелёном фоне доски, на светлой стене она образовала эффектные, кровавые подтёки, расширяющиеся, чем выше скользил взгляд. Пока не упёрся он в портрет Лобачевского – в полуманной раме, висел он на своём прежнем месте и сочился, орошая стену и пол под собой.

– Сон, уйди, и страх забери! Сон, уйди, и страх забери! – врезался в голову Павла испуганный шёпот. Семён вжался в стул и весь как бы уменьшился, и широко раскрыв глаза пялился на портрет и повторял одно и то же заклинание. Он вжимался всё больше и соскальзывал под стол.

– Отвернись! – подскочив, Павел развернул его на стуле, и Семён повалился на пол. Следом раздался звонок мобильного – как набат, он разрушил дьявольские козни и вернул их обратно в реальность. На стене, кроме перепуганных Лейбница и Гаусса, никого не было. Пашка схватился за трубку – звонил Комар.

– Я... должен отлучиться. Так, Семён: тебе придётся посидеть здесь минут... десять – пятнадцать.

Тот поднялся на ноги, испуганно озираясь:

– Я не останусь здесь!

Чёрт, нельзя, чтобы Комар его видел!

– Послушай... здесь ничего нет. Видишь? Я постараюсь быстрее.

– Куда ты? Ты уходишь?

– Мне нужно отдать кое-что одному человеку. Я спущусь вниз и сразу вернусь!

– Это быстрее, чем десять-пятнадцать минут!

– Семён! Зачем я столько возился с тобой? Ты так ничему и не научился! Как был размазнёй, так и остался? – он опять врал, наступая на совесть. Но это для его же блага!

– Нет! Это другое! Здесь... здесь...

– Здесь никого нет! И не может быть. Или ты хочешь таскаться по тёмным коридорам? Вот так. Тогда сиди здесь и не выходи. Я скоро, и даже свет тебе включу, – Павел шагнул к выходу.

– Ты же говорил, что нельзя зажигать...

– Теперь всё равно. Я вернусь, и мы вместе уйдём отсюда, – щёлкнув выключателем, он вышел. Больно и неохотно ему было оставлять Семёна одного. Но – ещё двадцать минут... каких-то двадцать минут, и всё будет кончено!

По школе разгуливал ветер; дождь всё не начинался. Не было даже сырого, вкусного его привкуса в воздухе. Воздух летел с юга, с жарких полей, и нагонял только жару и сухость. Гром ещё пару раз проскрежетал сухими ударами, словно ржавое железо о камень, и не оставил в воздухе ни капли влаги, наоборот, иссушивая её жалкие остатки. Заряженное небо искало точки соприкосновения с землёй, но сухость пролегла между ними, и небо злилось, а земля ждала; ждала его гнева и готовилась покорно всё стерпеть.

Через ступеньку Пашка бежал по лестнице, и лёгкий запах дыма, осязаемый в коридорах, списал на ветреную погоду. Недавно в новостях говорили, что на юге области бушуют пожары, вот наверно и принесло. А в каморке сторожа уже всю пылали стол и занавески, и пузыря поверхность старой тумбочки подбиралось пламя к самим останкам Георгия Афанасьевича, бережно прикрытых покрывалом. И некуда было деться огню, кроме как стремиться к решётке вентиляции, которая так и засасывала потоком воздуха, струящегося из-под двери и щелей окон.

Первый этаж был задымлён сильнее остальных, а в дыму явно присутствовал запах жжёного пластика и синтетики. Через щели двери в кладовую валил дым, разбегаясь вдоль потолка, а любопытные, жадные языки огня начинали загля-

дывать сквозь окошко вентиляции из каморки в кладовую, уже облизывая ближайšie к нему коробки. Но Пашка всего этого не видел и даже не заметил запаха – в жару жжёный пластик часто летал в городском воздухе, подымаясь из какой-нибудь задымившейся урны, да и совсем другие цели были сейчас в его голове. Не спрашивая, кто пришёл, и не выглядывая в окно холла, он толкнул железную дверь, но вместо хитрого, скученного лица Комара с непомерно большим и горбатым носом пред ним предстала вызывающая физиономия Джема с широким, выразительным ртом.

Было достаточно доли секунды, чтобы понять, в чём дело. Но всё равно он опоздал. Рука Джема и ещё чья-то схватили дверь за торец, и как Пашка не тянул её к себе, визит непрошенных гостей обещал быть состоявшимся. Тогда он ринулся к лестнице, но кто-то очень шустрый оттянул его за шиворот назад и непринуждённым ударом в почку уложил на пол. Пашка сразу же узнал тяжёлую руку Водяна. А гадкое, с огромным лбом и широким ртом лицо Джема склонилось над ним и растянулось в самодовольной улыбке:

– Э-э, братец! За тобой должок, забыл? А долги нужно отдавать.

– Я всё отдал...

– Уж не рёбрами ли? Прости, но твои рёбра мне не нужны. Ник, дверь!

Коренастый пацан в толстовке, которого Пашка тоже как-то видел, запер дверь. Рядом с ним стоял и Комар с несколь-

ко понурым видом и свежим фингалом. Вероятно, невесть откуда взявшаяся техника, да ещё в таких объёмах, не осталась незамеченной в местах сбыта...

– Вставай! С нами пойдёшь, – скомандовал Джем, и Водян резким движением вернул Павла в вертикальное положение – дёрнул за руку так, что хрустнуло плечо, а Джем подобрал с пола его уроненный мобильный: – это пока у меня побудет!

Сопrotивляться было бесполезно. Он один против четверых вряд ли что смог бы сделать, а расплачиваться здоровьем тоже не хотелось. Пусть они всё берут, всё выносят, ко всем чертям! Ему ничего не нужно...

– А хорошо ты устроился, – злорадствовал Джем, пока они шли по коридору второго этажа. Пашку вёл Водян, заломив ему за спину руку. – Глянь какие хоромы, а? Ничего, если мы на ночку-другую задержимся? Не против? Чего молчишь? Ну молчи. Только не поступают так: барыши получил, а друзьям ни слова! Всё себе? А кто тебя этому научил, а? Кто с этим вот придурком познакомил? – Джем бросил злорадный взгляд на Комара, который молча шёл рядом и пялился в пол.

– Вы мне не друзья, – ответил Павел.

– Да я уж понял. Ну ладно, я, знаешь ли, навязываться не люблю. Не хочешь дружить – не надо, переживу как-нибудь! – с наигранной обидой вещал Джем. – Вот только научу тебя кое-чему. Как вести себя надо. И кого можно кидать, а кого нет.

Они остановились у двери в компьютерный класс, которая после взлома не запиралась. Джем закурил, а Павла поставили ровно напротив него.

– Хоромы-то хорошие, да запашок, словно помойку подоггли, – заявил он, глядя то на него, то в окна холла. Ник при этом глупо хихикнул:

– Ага, точно!

– Или это от тебя так несёт? – Приблизившись к нему, Джем выпустил дым Павлу в лицо. Павел отвернулся, но таким же грубым движением голову ему вернули в нужное положение. – А, Водян, от него или не от него? – усмеялся Джем. – Ты ближе стоишь, а у меня может и с нюхом что, иль сигареты паршивые...

– Да походу от него!

– Да... на бомжа ты похож стал, друг мой! – очередная струя дыма устремилась в его направлении.

– Дверь не заперта, – процедил сквозь зубы Пашка; он не терял надежды, что они заберут всё что нужно и свалят.

– Я знаю, что не заперта. Мне напарник твой всё выложил. И сколько он уже продал, и сколько там всего, и сколько ещё получить можно. Ты на Комара не серчай: трус ведь он и в Африке трус, как говорится. Понял, что влететь ему может как следует, сразу сам всё и рассказал. Видишь: всего одним синяком и отделался, в воспитательных целях, так сказать!

Ник снова захихикал. Рука жутко затекла, ноги дрожали от напряжения, а в теле бродила злость... но вместе с ней и

отчаяние, которое поедало, как червь, разжигаемую гневом силу. Докурив, Джем скомандовал:

– Держите ему бошку.

Ник подступил ближе, скрутив ему обе руки, а Водян как клещами зажал голову.

– А ты вот смелый, в отличие от Комара. Ничего не боишься. Целеустремлённый. За это ценю. Да только дури в голове много. Сейчас мы её выжечь попробуем, – с этими словами Джем поднёс окурок к Пашкиному лицу.

Он зажмурился. Ладони Водяна сжимали ему голову с обеих сторон, так что было не пошевелиться, а заломленные руки и вовсе обездвиживали; Павел почувствовал себя кошкой, которую взяли за шкурку и готовились сделать усыпляющий укол... раскалённое жало сигареты коснулось лба, как раз между бровей, и в нос ударил запах жжёной кожи.

Было нестерпимо больно; мозг готов был взорваться. Ему словно делали лоботомию без наркоза – наверно, это примерно так и выглядело бы. Но только бы Хомяк не пришёл! Только бы не услышал! Пусть у него хватит мозгов не высываться или, ещё лучше, свалить из школы по-тихому! И Павел не издал ни звука. Он стиснул зубы, и лишь какие-то хрящики влажно щёлкнули внутри головы. И открыл глаза – перед ним до сих пор был Джем, школьный холл и линолеумный пол. Но ноги его не выдержали; Павел упал на колени. Водян высвободил его голову, держать его остался Ник, а руки у него были потные и скользкие.

– Говорят, как раз в этом месте, над переносицей, находится одна из самых сильных и важных тактильных точек человека, и определённое воздействие на неё меняет и ум, и сознание, – поучительно пропел Джем, выбросив окурок и искусно скрыв удивление, вызванное стойкостью подопытного. Дыма, однако, всё прибавлялось.

– Забирайте всё, – выплюнул Павел.

Фраза вызвала всеобщее веселье.

– Ты думаешь, мне нужен школьный хлам? – неторопливо спросил Джем. – Его разве на металлолом сдать, но там много не заработаешь, не стоит и возиться. А вот соратник твой пытался загнать его по цене, не соответствующей качеству продукта! Словно там идиоты одни ошиваются, – он снова посмотрел на Комара, и тот отступил на шаг назад. – Мы преподать тебе урок пришли, неужели не понял до сих пор? Но ты, я вижу, упёрт как баран! Смотри, моё терпение ведь не безгранично!

– Что же тебе надо?

– Надо? Ну, во-первых, чтобы ты признал свою непростительную оплошность. Я говорю «непростительную», но ведь все знают, какой Джем великодушный, и возможно, прощу даже тебя! А во-вторых... нет, здесь реально чем-то воняет! Откуда этот дым? Ты что, костры здесь разводишь?

Очередной порыв ветра содрогнул стёкла и воем пробежал по вентиляции; здание наполнилось невнятным гулом. Огонь уже пожирал припасы в кладовой, и особенно хоро-

шо пылали туалетная бумага и бумажные полотенца, а языки пламени уносились в вентиляцию, превратившуюся в дымоход. Каморка же выгорела почти полностью, стеклопакет плавился от температуры, и стекло начинало стекать вниз, как смола.

– Может окно приоткрыть? – спросил Водян, подошёл к раме и дёрнул ручку... движение воздуха ощутили все. Совпав с порывом ветра, разгерметизированное здание сработало как печь с дымоходом: окно в каморке сторожа вылетело внутрь, и подпитанный свежим воздухом огонь взлетел до потолка.

Парни оглянулись на неясный гул. Почувствовав, что хватка несколько ослабла, Пашка решил не упустить шанс: он кувырнулся в бок, тем самым высвобождая руки, и тут же обеими ногами ударил в щиколотки Ника, так что тот повалился на пол, а Пашка вскочил и бросился в коридор.

– Куда, падла! – услышал он сзади крик Джема и тяжёлые шаги – сзади бежал Водян, а за ним и Джем с Комаром.

Пашка уже понял, что в школе и правда что-то горит. Он бы успел выбежать на улицу, и за ним бы вышла и вся шайка, а там уже будь что будет – Семён был бы в безопасности, если бы в школе всё было хорошо! Но этот увалень там наверху наверняка ничего не подозревает, а бросить его в пожаре... и Пашка вместо того, чтобы бежать к выходу, свернул наверх.

– Пожар! Здесь пожар! – раздался отдалённый крик, вроде бы Комара. – Джем, валим! Хрен с ним!

Павел перепрыгивал через две ступеньки и даже через три – насколько хватало ног, и слышал только, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Дым не давал полноценно дышать, голова быстро закружилась и на последней ступеньке он споткнулся, влетев на этаж чуть не кубарем. Кабинет алгебры был в другом крыле, требовалось пересечь коридор. Он уже поднялся на ноги и тут увидел, что тёмный коридор освещает полыхающий пламенем силуэт, такой знакомый, невысокий и полненький силуэт, который неторопливо идёт к нему, а кожа на лице уже слезает, и каплями стекают расплавленные очки. Пашка застыл, забыв даже о погоне. К нему шёл Хомяк, и оголённой челюстью с торчащими зубами поговорил:

– *Смотри: я горю!*

Следом он увидел пол, приближающийся настолько стремительно, что подставить руки было нереально. Водяня сшиб его с ног, и повернув к себе, пару раз ударил по лицу. Павел вывернулся, но ощутил удары на спине – его рёбра снова затрещали. Водяня был больше его раза в два, но совершенно не понимал, что своей силой может легко убить его. И Пашка уже мысленно готовился к этому – всё тело ныло, а удары сыпались и сыпались... как вдруг раздался треск, глухой вскрик, и следующий удар так и не долетел до места назначения. Вместо него обмякшее тело Водяня краем упало сверху, и Павел едва успел вытащить из-под этой кучи мяса руку. Рядом стоял ошеломлённый Хомяк с чайником в руке,

которым и приложил обидчика.

– Беги отсюда, – просипел Пашка.

– А ты? А это кто?

– Здесь пожар!

Хомяк был сам в шоке от того, что видел и что сделал.

Он выронил чайник; Водян же зашевелился и что-то промычал. Удара дешёвым чайником явно было недостаточно, чтобы надолго от него избавиться.

– Вставай же! Вставай! – схватив его за руку и за плечи, Семён пытался помочь Павлу встать. Тот едва поднялся; тело пылало, точно его готовили под жаркое отбивным молотком, и теперь только оставалось поместить в духовку. А так оно и будет, если не поторопиться!

Вдвоём они пошли через коридор – Пашка хромал и не мог вздохнуть, и опираясь на плечо Семёна, едва наступал на правую ногу. Удивительно, что у него ещё все конечности целы!

– Быстрей... он приходит в себя! – Торопил его Семён.

Они свернули на другую лестницу, перейдя в крыло, где был выход. Осталось только спуститься! Те трое, наверно, почуяв дым свалили, но они наверняка где-то рядом. Хороши же друзья-напарники! Бросили своего Водяна одного. Хотя они наверняка и предположить не могли, что он может оказаться побеждённым. Да так оно и было бы, если б не Семён! Думали, наверно, что поколотит его да и выбежит. Однако Пашка не был уверен, что они не поджидают где-нибудь

на лестнице. И что тогда?

Несмотря на жуткую, простреливающую боль во всём теле, мозг его начинал работать чисто, просчитывая все ходы. Про отметину от сигареты, зияющую теперь как кратер на лбу, он и думать забыл – настолько была она незначительна по сравнению со всем остальным! И кроме того, он был не один, он был с Хомяком! Он его втянул в это, а значит, должен и вытащить! Крепко сжимая ему плечо, он ступил уже на лестницу, но хрип снизу заставил их остановиться.

– Что это? – Хомяк испуганно отпрянул. Хрип сопровождался каким-то шуршанием и треском. Это был не просто хрип; тот, кто хрипел, пытался что-то сказать.

По ступенькам кто-то полз. Полз медленно, но уверенно, ступеньку за ступенькой. В пролёте между этажей возникло нечто напоминающее руку. Она вцепилось в пол и подтащило скудные останки. Появилась голова. Сначала Павел решил, что она просто лысая, но чуть позже разглядел, что это череп с жалкими, обугленными следами кожи. Вот голова повернулась к ним, и обожжённые почти до костей руки со свисающими кусками кожи потянулись, взывая:

– Помогите!

Только по треснувшим, обгоревшим очкам можно было понять, что это сторож. Крик Семёна разнёсся по этажу; Пашка и сам на мгновение забыл о всех своих увечьях. «Этого нет! Этого нет!» – повторял он мысленно, но существо из каморки настойчиво карабкалось дальше, передвигая ко-

нечностями, как паук. Взяв Семёна за руку, Павел повёл его назад, но стоило им свернуть в коридор, как на пути возник Водян. Он стоял, прислонившись к стене и видимо искал в себе силы выбраться на улицу, но увидев их, злость затмила ему остатки разума: заревев, как бык на арене, он пошатываясь побежал на воображаемого тореро.

Кладовка на первом этаже была уже почти вылизана пламенем, а в вентиляции начинала гореть пыль, и искры сыпались во всех кабинетах, докуда добирался жар. По линолеуму огонь пробрался в коридор и холл, и от деревянной двери каморки остался один остов.

Держать газовые баллоны в школе не позволялось в целях пожарной безопасности. Но освежители воздуха никто не запрещал! Целая их коробка хранилась в кладовке и расходовалась очень медленно, в основном для учительского туалета да кое-кому домой, и от лишнего соблазна была убрана на самый верх стеллажей. Жар добрался и до неё; коробка уже горела, несколько баллончиков поморщились и крышки их оплавилась, а нарисованное на их боку пламя выглядело нелепо, как горькая, злорадная усмешка на фоне настоящих, рыжих и жгучих языков.

– Бежим!

Павел спешил к кабинету алгебры, их верному убежищу, таща за руку растерявшегося Хомяка. Больше им было деваться некуда: по лестнице ползла непонятная тварь – краем

глаза Пашка видел, пробегая, что она уже выкарабкалась на верхнюю площадку (*неужели всё это взаправду?!*), а из коридора на них нёсся взбесившийся Водян. Павел едва успел повернуть ключ, как тот начал дёргать ручку и ломиться в дверь плечом, сопровождая это мощными ругательствами. Дверь содрогалась и скрипела; Пашка изо всех сил сжимал скользкую, неудобную ручку.

В кабинете было дымно; из расположенного вдоль боковой стены вентиляционного канала валили серые, пахнущие жжёным пластиком клубы. Ребята начинали задыхаться, и вместе с нехваткой воздуха в них поднималась паника. Глаза слезились; лёгкие просили чистоты, а в ответ получали душливый смрад.

– Окно! Открой окно! – крикнул он Семёну; тот распахнул раму, но от этого дым повалил ещё сильнее, обнаружив выход на улицу.

– Сука! Всё равно достану! – ревели за дверью. Но Водян, видимо, был всё же не настолько туп, чтобы не понимать, что находиться здесь, как ни была бы желанна месть за разбитую чайником голову, небезопасно.

– Сдохните там! – прозвучало напутствие из коридора, и в замке что-то крякнуло.

Ручка перестала дёргаться. Секунду спустя её уже дёргал Павел, но ключ застрял намертво – они оказались в западне. Водян что-то сунул в замок – немудрено; достаточно простой булавки, чтобы заблокировать его, а уж он умел справляться

с замками не хуже Комара. А сам свалил.

– Что делать? – Семён, стоя у окна, давился кашлем.

Раз за разом Пашка таранил дверь плечом, но не мог приложить достаточно силы – каждый удар отдавал дикой болью в рёбрах, так что в глазах темнело и замирало сердце, и четвёртая попытка сбила его с ног. От боли он скрючился на полу, моля лишь о том, чтобы не вырубиться. Потому что в поле его суженного зрения, на фоне окна маячил Семён – не будь его здесь, он бы, пожалуй, предпочёл этот простой и быстрый выход. Отключиться, окунуться во тьму, что бы за ней не крылось, и больше ничего не чувствовать, не слышать!

Хомяк же кинулся сначала к нему, потом к двери, зажал ключ обеими руками и так навалился, что согнул его вовсе.

– Чёртова дверь! Чёртова дверь!

В ярости он стал хаотично дубасить её руками и ногами. И правда, ведь двери и замки в школе не отличались прочностью, Пашка и сам их ломал дважды... почему же теперь так?

Глядя на отчаянно бьющегося Семёна, на застланный дымом кабинет и лоя ускользящее сознание, слёзы отчаяния навернулись на глазах Пашки. Как же хорошо, что Денис не поверил ему *настолько!* Что корпорация Independent оказалась для него, видимо, не более чем раундом в компьютерной игре, на его же счастье не слишком интересной; глупой. Ведь так оно и есть! Дорога в небо... как глупо! Почему же

этот увалень, которого Павел и всерьёз-то никогда не воспринимал, сейчас здесь? А ведь не будь здесь его, то сам он, Павел Свободин из 9 «А», валялся бы сейчас в коридоре с проломленной грудной клеткой и расквашенным лицом, а потому он просто не имеет права...

Странный, гулкий хлопок привлёк его внимание. Хлопок был не здесь, где-то внизу; а гул напомнил разгулявшийся по вентиляции ветер или шум набирающей мощь лавины, усиленный длинными трубами. Всё здание загудело и наполнилось воем, и виной тому была взорвавшаяся коробка с освежителями воздуха. Один из баллончиков, скрючившись от жара, пустил тонкую струйку аромата, которая тут же воспламенилась, температура ещё подросла и вся куча рванула. Дверь кладовки была ещё цела, а потому подгоняемый со стороны каморки клубок огня устремился в вентиляцию, поджигая по пути многогодовые залежи пыли. И здание практически одновременно пыхнуло огнём – он вырывался из вентиляционных отверстий, освещал тёмные классы и коридоры, лизал подвесной картонный потолок. В кабинете алгебры вдоль стены стояли шкафы с книгами и разными наглядными материалами, вроде картонной трапеции, параллелепипеда и тому подобного и которые так любил разглядывать Хомяк, а макушки шкафов венчали огромные многогранные фигуры – тетраэдры, октаэдры и прочее, сухие и покрытые пылью, и вырвавшийся из вентиляции огонь – бурый, почти невидимый – коснулся их, и те быстро загорелись.

лись.

Никогда ещё Пашка так не уповал на пожарных, полицию, да кого угодно! Любого представителя закона, хотя обычно их избегал. Но нет! Давно было ясно, что вся сигнализация в школе отключена на лето – Комар тогда был прав. И он встал, поднялся с пола, почти не чувствуя онемевшее от боли тело – даже Семён удивлённо на него уставился (должно быть, он был настолько плох, что тот не подозревал возможности его самостоятельного передвижения).

– К окну! – прохрипел Пашка; огонь бежал по шкафам, постепенно спускаясь.

Добравшись до окна, Павел выглянул на улицу. Небо с севера ещё алело, бросая такие же огненные лучи света на него, как позади – настоящее пламя. Вот она, та дорога! «Дорога смерти» – пронеслось в голове, но он тут же изгнал эту крамольную мысль. А над городом нависла туча – гигантская, чёрная громадина; неудивительно, что ветер гнал её так долго, с таким трудом! В воздухе разливался долгожданный привкус влаги, и ветер, справившись с задачей, постепенно стихал, словно должен был доставить тучу именно сюда. Зато гроза набирала силу – в небе сверкали ломаные полосы, разрывая серую ткань и пуская вниз корявые её щупальца. И никого не было рядом со школой; все как нарочно забыли о ней, хотя дым всюду валил из окон!

Рядом с оконным проёмом по стене проходила водосточная труба. Ржавая и ненадёжная на вид, она вскоре заверша-

лась воронкой у крыши. Но к стене она крепилась довольно часто, по этим кронштейнам можно забраться, как по лестнице.

– Полезай! – Пашка указал на подоконник.

– Куда?

– По трубе. Водосточной...

– Ты что? Я не смогу...

– По... тьфу! Полезай, кому говорю! Я держу тебя...

Дышать стало невыносимо. Огонь перекинулся на жалюзи, пожирал шкафы, и плакали масляными слезами Гаусс и Лейбниц... и сверкал красными подтёками, точно ухмыляясь, Лобачевский. Он всё ещё *был здесь!* Но Пашке уже было не до него. Он понятия не имел, как сможет удержать Хомяка из окна, тогда как сам еле держится на ногах, но всё равно заставлял его лезть, торопил и подталкивал. Семён плакал, кашлял и задыхался, в его очках то сверкало отражение огня, то пламя заката, но он всё же лез.

На счастье, трубы была совсем рядом с окном. Но сам переход с подоконника на неё всё равно был проблемой.

– Поставишь ногу на кронштейн. Не смотри вниз! Смотри на меня, на стену, куда хочешь! Ты будешь спиной к улице, и бояться нечего... когда туда ногу поставишь, хватайся рукой и убирай эту ногу с карниза... ну!

– Я боюсь!

– Я буду держать тебя! Слышишь, Семён? Я тебя не отпущу!

Пашка влез вместе с ним на подоконник и готовился поймавать за шиворот, если что. Хотя вряд ли бы он смог это сделать.

– Я не могу! Нет, я не такой смелый! Я вообще не смелый...
– Хомяк почти разрыдался. – Меня зовут трусом... так и есть! Я трус! Я не смогу!

– Слушай! А когда ты вмазал этому дебилу по башке, ты был трусом? Или когда лез к сторожу... блин, или когда припёрся сюда сегодня, удрав от родителей вместо того, чтобы спокойно уехать?

– Я думал, что смелый. Я хотел быть смелым, но всё это было, наверно... иллюзией.

– Какие слова! Сейчас расплачусь. Полезай, быстро! Нет времени! О маме своей вспомни! Что будет, если... короче, лезь!

– А ты?

– Я следом. Ну!

Держась за стену, Семён поставил ногу на край кронштейна с уличной стороны трубы, где две его половинки стягивались гайкой, образуя выступ. Павел взял его за руку выше запястья, сам держась за другую часть рамы. А спина уже плавилась... Хомяк протянул руку к трубе. Нет, он должен, просто обязан это сделать! О нём самом, наверное, жалеть никто не будет. Павел всегда считал это преимуществом – быть ничем не связанным, но сейчас ощутил сильную горечь одиночества, которая изнутри жгла не хуже, чем снаружи –

пламя.

– А теперь оттолкнись и обхвати трубу!

– Страшно!

– Я держу тебя!

Хомяк оттолкнулся. На секунду Павлу показалось, что он падает, и так же всё упало внутри него. Однако Семён вскрикнул и присел, обхватив трубу, и теперь крепко за неё держался.

– Теперь... теперь лезь вверх, – Пашка едва мог говорить.

Зря Павел надеялся, что Семён сможет вскарабкаться на крышу – намертво вцепившись в трубу, он прилип к ней всем телом и прижался лицом, при том очки его упали, а он зажмурился и что-то бормотал. По крайней мере, там ему было чем дышать! Зачем Павел просил его лезть вверх? Ему такой манёвр уже не по силам!

Яркое ветвистое дерево разбежалось по небу, на мгновение озарив город. После грома до слуха долетели звуки сирены – кто-то всё же вызвал пожарных! Они успеют. Они должны успеть! Семён крепко держится за трубу и сможет просидеть так до момента, пока они поднимут лестницу. А он... через силу Павел оглянулся, подставив лицо горячему мареву – полыхал почти весь кабинет; столы и стулья горели и плавилась пластиковые окна. Он втягивал грудью воздух и ощущал, как он разъедает его изнутри. Взявшись за глухую створку, он шагнул вбок по наружному металлическому кар-

низу вдоль окна, который под ним прогнулся. Вот они, пожарные: уже заехали на школьную территорию, но видели ли они их?

Видели! Машина остановилась внизу и люди в ярких костюмах начали раскладывать шланги и лестницы, пытались им что-то кричать. Среди них бегала женщина: она кричала больше всех и рвалась в горящее здание, только мешая работе пожарных; с ней был и мужчина, пытавшийся её остановить, но тоже очень обеспокоенный. По истошным крикам женщины Павел догадался, что это мама Семёна, а рядом с ней должно быть и отец. Он посмотрел на Семёна – тот всё так же, зажмурившись, сидел приклеившись к трубе. Значит, всё в порядке! Значит, они успеют! Но как же жарко...

Очередной раскат грома выбил из нависшей чёрной бездны первые капли. Сгорая в горячем воздухе, они летели вниз и испарялись, не достигая цели.

Пашка держался только правой рукой за край рамы; снаружи можно было дышать, только вот ноги соскальзывали, а огонь подступил вплотную к окну и обжигал пальцы. По стеклу поползли мелкие трещинки и подтёки, от него веяло жаром, как от раскалённой духовки.

И пальцы соскользнули.

Первые, освежающие капли, как тогда, в камерке гардеробщицы или в столовой, коснулись его макушки, вновь возвращая к жизни; стирая страшные грёзы, что приходят во

сне, включая немилосердную реальность. Но такую нужную реальность! На секунду Пашка сквозь стекло увидел, что дверь в коридор распахнута, все шкафы и столы целы, и Лобачевский висит на стене совсем не хмурый и в совершенно целой раме, и всё это окутано лишь лёгкой дымкой. И он вцепился в раму с новой силой, но только после этого осознал, что рука ловит воздух, под ногами ничего нет, и что он – падает.

Что-то кричали снизу, и истошно вопила женщина, а Пашка только и видел, как капли дождя летят вместе с ним, не быстрее и не медленнее, и почувствовал себя дождём – чистым, свободным и счастливым, который соединяет небо и землю, который порождает жизнь и смывает склизкие останки былого, который обновляет и лечит. И где-то высоко остался Хомяк, державшийся за трубу крепко-накрепко, и это добавляло спокойствия и счастья.

Он не видел, каким мощным ливнем обрушилась гигантская туча на город, как улицы его превратились в реки, а газоны стали болотами. Не видел, как обнимали родители промокшего, перепуганного Семёна, сами вымокшие до нитки, но, в тот момент – счастливейшие люди на земле; как носились пожарные, заливая пушистой пеной внутренности школы, какая поднялась вокруг суматоха. Не видел он бледное, помрачневшее лицо директора Галины Алексеевны, прибывшей уже на следующий день, когда бродила она в сопровождении пожарных и полиции по вверенному ей об-

разовательному учреждению; как вошла она в опустошённый компьютерный класс, при пожаре уцелевший, и как выносили из каморки труп несчастного сторожа, от которого остались только обгоревшие косточки. Не видел он и того момента, когда директор Галина Алексеевна и завхоз Николай Петрович очень скоро стали бывшими сотрудниками школы № 587 за грубое нарушение правил эксплуатации здания и, первым делом, систем сигнализации, а саму школу закрыли на ремонт, распределив учеников по соседним.

Немало слухов ходило о том, почему два подростка вместо того чтобы выбежать из здания полезли в окно. Это обстоятельство, а особенно гибель одного из них, наделало больше шума, чем сам пожар. По результатам осмотра здания весомых препятствий, чтобы его безболезненно покинуть, выявлено не было – горел только первый этаж, да и то не весь, и хотя дым и распространился по вентиляции на всё здание, возгораний больше нигде обнаружено не было. Семён Худуруков, непосредственный участник тех событий, утверждал обратное, однако из того, что в его рассказе присутствовал ползающий по лестнице обгоревший труп сторожа и ещё многие непонятные вещи, сделали вывод, что у него сильный шок и отправили к психотерапевту, а общепринятым осталось мнение, что подростки просто перепугались. Пашка же оказался прав – о нём мало кто вспоминал, не исключая и его непутёвой семьи; и только Семён, после пожара так и не вернувшийся в эту школу, а затем уже и взрослый,

каждый год приходил к ней в тот памятный для него день в начале августа, становился в то место, где было некогда прикрито брезентом тело Павла, и смотрел на четвёртый этаж, на окна кабинета алгебры. И неизменно видел он почерневший от дыма оконный проём – именно в этот день, тогда как во все другие он был чистым. И всякий раз над городом в тот день нависала туча, обрушиваясь вечером ливнем и грозой. Воспоминания захватывали его и уносили в прошлое, и он ясно видел, как висит на стене кровоточащий портрет Лобачевского, и карабкается по лестнице обугленная тварь. Воспоминания эти были настолько живы, что он почти чувствовал запах дыма, и тогда уходил, произнося «спасибо, друг». Потому что пожар был, и оставшийся на плече его ожог, давно заживший, не позволял ему сомневаться.

На этом бы и закончилась история Павла, разгильдяя, хулигана, неуча, трудного подростка, просто дебила – кем принято считать таких ребят. Но не унялось то зло, что жило под школой и было потревожено; оно лишь на время пресытилось, выполнив своё черное дело. А потому до сих пор в коридорах то слышался звучный голос Аллы Эдуардовны, то проносилось красное пончо Антонины Порфирьевны или звучали недовольные ругательства Николая Петровича; но гораздо чаще мелькал в холле шлёпающий неровной походкой силуэт старого сторожа, или стремительно пробегала стройная, подтянутая фигура в кедах, шортах и футболке, оставляя за собой светлый шлейф – фигура Павла Свободи-

на.